

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

«ЧОКИ-ЧОК» ИЛИ
РЫЦАРЬ ПРОЗРАЧНОГО
КОТА

Владислав Крапивин

**«Чоки-чок» или Рыцарь
Прозрачного Кота**

«Автор»

1992

Крапивин В. П.

«Чоки-чок» или Рыцарь Прозрачного Кота / В. П. Крапивин —
«Автор», 1992

ISBN 5-227-01890-1

Увлекательная и забавная повесть-сказка из цикла `Сказки о парусах и крыльях`. Однажды летом брат и сестра Леша и Даша совершенно случайно обнаружили, что в их доме живут Ыхало, Тень прозрачного кота Филарета и еще целая компания необыкновенных существ. Подружившись с ними, ребята узнают о государстве Аستراليا, и по особому приглашению ее Главного мага Леша отправляется в эту сказочную страну, где его ждут невероятные приключения. Неизвестно, сумел бы он преодолеть подстерегавшие его там трудности и опасности, не зная волшебного слова `чоки-чок`, с помощью которого можно натворить очень много чудес, если, конечно, уметь им пользоваться...

ISBN 5-227-01890-1

© Крапивин В. П., 1992

© Автор, 1992

Содержание

Первая часть	5
Новость	5
Знакомство	7
История кота Филарета и его тени	11
Шерсть, хвост и коллекция	14
Предчувствие страны	19
Таинственный свет	21
Как Леша вылечил тетушку Ихтилену	25
Капризное существо	28
Звуковое письмо	31
Кто живет на Проходной	37
Двери закрываются, поезд отправляется...	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Владислав Крапивин

«Чоки-чок» или Рыцарь Прозрачного Кота

Повесть-сказка

Первая часть

ДОМ НА УЛИЦЕ КРАЙНЕЙ

Новость

Кривую баньку в заброшенном саду не топили уже много лет. Тепла в ней совсем не осталось. Но запах березовых веников несмотря ни на что сохранился. Ыхало любило этот запах. Поэтому в летнее время оно проживало в баньке как на даче. Уютно здесь было и спокойно.

Иногда Ыхало забиралось на верхнюю полку и впадало в сладкую спячку на несколько суток.

В конце июня, после недельной спячки, Ыхало сидело на полке и беседовало с тенью кота Филарета. Тень упрекала Ыхало:

– Дрыхнешь без задних ног, все новости проспало. А мне и поговорить не с кем...

– Ну какие, Филаретушка, в нашей жизни могут быть новости, – почесываясь, кряхтело Ыхало.

– Громадные, мур-мяф меня подери! Старуха уехала! Насовсем!

– Насовсем?! – Ыхало подпрыгнуло и стукнулось макушкой о низкий потолок. – Не врешь?

Тень Филарета поудобнее уселась на стенке холодной печки, полизала растопыренную лапу (точнее, тень лапы).

– Зачем же мне врать? Не первое апреля... Уехала к брату в Калугу, решили вдвоем век доживать. По-моему, правильно...

– А дом?

– А дом продала. Почти со всем имуществом. Даже часы с Петрушей оставила. И Большую картину...

– А кто новый хозяин? – осторожно спросило Ыхало. Потому что хуже, чем при старухе, не будет, но все-таки...

– Хозяин – художник...

– Да ну? Как Орест Маркович, значит!

– Именно! Именно, дорогой Ых! Мало того. Они, можно сказать, родственники!.. Ну, не в полном смысле родственники, а, так сказать, духовные.

– Ты выражайся попроще, я ведь необразованное.

– Ладно, не притворяйся... А дело вот в чем. У первого-то нашего хозяина, у Ореста Марковича Редькина, было много учеников. И самый талантливый – Иванов Иван Климович. Тот, самый, у которого знаменитая картина «Необозримые просторы». А у этого Иванова, у Ивана Климыча, тоже были ученики. Как бы уже творческие внуки Ореста Марковича. Вот один-то из этих внуков, Пеночкин Евгений Павлович, и купил дом... Как прочитал объявление о продаже, сразу кинулся. «Это, – говорит, – колыбель моего вдохновения. Меня сюда однажды в детстве учитель приводил, когда Орест Маркович еще жив был, только седой весь. И я ему свои рисунки показывал, а он меня гладил по головке...»

– Как трогательно, – сказала Ыхало. – Помню, как меня Орест Маркович тоже гладил по темечку.

– Да и меня, мурр-мяу... – разнеженно заметила тень. – То есть не меня, конечно, а... ну, в общем, ясно...

– Ясно, ясно, – вздохнуло Ыхало. – Орест Маркович душевный человек был. Не то что старуха... Она небось за дом-то несусветную цену заломила? А?

– Да уж не без того...

– А хозяин-то новый... Он, видать, человек не бедный?

– Тут целая история, Ых. Поучительная и счастливая, – с удовольствием сообщила тень Филарета. – Он был совсем даже не богатый. Наоборот, еле на хлеб и краски хватало. Но на недавней, на весенней выставке заметили его и стали хвалить. Талант, он ведь себя все равно рано или поздно покажет...

– От похвал до богатства далеко, – недоверчиво сказала Ыхало.

– Ну, речь тут не о богатстве... Однако если художника хвалят, у него и картины покупают. Сперва одну, вторую, а там, глядишь, и очередь за ними стоит. Иностранцы стали интересоваться... А с одной картиной даже скандал вышел. С той, что называется «Вечерний вид на город Хребтовск с зеленого холма, на котором пасется желтая лошадь»...

– А что за скандал-то?

– Американец и француз заспорили, кому картину покупать, чуть не подрались. Француз вызвал американца на дуэль, еле их помирили... Евгений Павлович Пеночкин теперь знаменитый... Жена его не хотела только сперва в этот дом переезжать. Старая развалюха, говорит, и далеко от центра...

– Ох, значит, он женат, – огорчилось Ыхало.

– Естественно. Жена костюмером работает в оперном театре.

– И дети небось есть?

– Брат и сестра. самого младшего школьного возраста.

Ыхало заыхало и заворочалось на полке.

– Теперь не будет покоя...

– Да ладно тебе ворчать. Будто ты себе не найдешь в доме укромный уголок!

– Да они до любого угла доберутся...

– А ты уже заранее боишься!

– Не за себя ведь, а за них. Перепугаются, когда увидят...

– Нынешние дети? Ха! – сказала тень Филарета.

– А ты, видать, доволен, – хмыкнуло Ыхало.

– Мурр-да... Во-первых, старухи больше нет. Во-вторых, не исключено, что мальчишка собирает марки. Тогда я смогу пополнить свои фонды. – Тень погладила себя лапой по животу. К нему был пришит незаметный карман, в котором хранилась коллекция.

Ыхало насмешливо запыхтело. Увлечение кота Филарета (то есть его тени) оно считало причудой. Однако дразнить Филарета не стало, только заметило:

– Ну посуди, какие у ребенка могут быть редкости?

– Всякое случается, – возразила тень. Потом, как настоящий кот, выгнула спину, потянулась и муркнула:

– Ыхушко, сделай одолжение, а? Я лягу кверху лапами, а ты почеси мне пальчиком брюхо. Давно меня никто не ласкал, не баловал...

– Бездельник. Ладно уж, иди сюда... – Ыхало с тень-Филаретом были давние приятели.

Тень растянулась на доске, как тень кота, лежащего на спине. Предупредила:

– Только карман не зацепи, а то оторвешь ненароком, и все марки разлетятся...

– Будто можно по правде оторвать тень кармана, – проворчало Ыхало.

– Всякое бывает... Мурр...

Знакомство

- Просыпайся, засоня!
- Сам засоня... Леша – калоша...
- Даша – простокваша.
- Лешка – поварешка.
- Дашка – промокашка...

Это они не ссорились, а так просто. Вроде утренней разминки. Ссоры между сестрой и братом, конечно, тоже случались, но тогда дразнилки были другие, покрепче. Например:

«Лешка —...»

Нет, не стоит продолжать. Очень уж глупо.

Или:

«Дашка —...»

Нет, и это не надо. Мало ли на свете Лешек и Дашек! И начнут их награждать такими прозвищами, а это несправедливо.

Если Леша придумывал чересчур ехидную дразнилку, Даша обижалась и обещала:

– А я маме скажу...

– Ябеда, – говорил Леша. Но знал: маме Даша ничего не скажет. Она была не ябеда, а вполне нормальная сестренка. Правда, чересчур увлекалась куклами и ничего не понимала в технике, но что подделаешь, если уродилась девочкой. Зато книжки читать она любила не меньше Леша, хотя в школу еще не ходила. Брат был старше на год. Он уже закончил первый класс. Вернее, два первых класса: в обычной школе и в художественной.

В художественной школе отметки у Леша были хорошие, а в обычной – троечки. Потому что учительница Леонковалла Меркурьевна заставляла его писать правой рукой, хотя он был левша. Мама ходила в школу заступаться за сына, папа тоже ходил. Убеждали: нельзя переучивать, раз мальчик от природы такой. Но Леонковалла Меркурьевна говорила:

– Нет, мальчик должен быть такой, как все. И я своего добьюсь...

Своего она не добила, но троек Леше наставила целую кучу. И двойки бывали... Хорошо, что Леша с родителями и сестрой переехал в этот дом, здесь недалеко другая школа.

И художественная школа теперь ближе, чем раньше. А то приходилось ездить через весь город. У мамы из-за этого было множество хлопот, потому что отпускать Лешу одного она боялась.

Художественную школу Леша любил. Там разрешали рисовать хоть какой рукой. Хоть ногой. Лишь бы ученик проявлял фантазию. У Леша фантазия проявлялась.

...Леша задумался про школу. А Даша про то, можно ли сказать: «Лешка – рыжая матрешка». Наверно, это будет неточно. Во-первых, матрешка – девочка, а Леша – мальчик. Во-вторых, он вовсе не рыжий, а только чуть-чуть золотистый. И у него всего три веснушки – на левой стороне лица. Эта сторона была похожа на папу. И нос был папин – торчал как сапожок. А глаза были мамины – светло-коричневые, с прямыми, будто спички, ресницами. И вся правая часть лица была мамина – без веснушек, с завитками волос над плотно прижатым к щеке ухом. (Левое ухо – папино – слегка оттопыривалось). Кроме того, на правой – маминой – щеке была симпатичная, заметная при улыбке ямочка.

А рот у Леша был не папин и не мамин, а свой собственный. Большой и толстогубый. Иногда улыбчивый, а порой упрямый.

Про Дашу же рассказывать много нечего. Она вся была в маму. Знакомые так и говорили: «Какая у вас славная девочка! Мамина копия...»

Мамина копия нерешительно сказала:

– Леша – старая лошадь... – Она и сама понимала, что это не очень удачно.

Он рассеянно откликнулся:

– Даша – манная каша... – И насторожился: – Тс-с...

Он сел в своей кровати. А Даша, наоборот, ойкнула и вжалась в подушку. Натянула до глаз одеяло.

Комната была просторная. Мебель в ней стояла разная – и знакомая, из прежней квартиры, и та, что осталась от старой хозяйки. У двери возвышался широкий платяной шкаф с львиными мордами на дверцах. А за дверцами кто-то шебуршал. Потом громким виноватым шепотом попросил:

– Извините, пожалуйста, не могли бы вы меня выпустить?..

– Мама... – пискнула Даша. Громко завопить она не могла, голос пропал от испуга.

Леша сперва тоже хотел позвать маму и папу. Но пересилил страх. Такой был у Леша характер: если рядом кто-то боялся, сам он делался смелее. Наверно, из упрямства.

– Кто там? – сказал он тонким, но достаточно мужественным голосом.

– Видите ли... мне трудно так сразу объяснить. Я здешний житель...

– А зачем вы туда забрались? Без спросу!

– Простите, пожалуйста. Я из любопытства. Хотелось посмотреть на новых жильцов, а знакомиться я не умею... Можно, я выйду? Здесь ужасно пыльно...

– Да кто вам не дает, – храбро сказал Леша. – Шкаф не заперт.

– Не заперт, но вы же сами его ночью заколдовали...

– А-а! – вспомнил Леша.

Ночью было вот что. Лешу разбудила Даша, она сидела на его кровати и трясла его за плечо:

– Лешка, я боюсь...

Он открыл глаза. В окно светила бледная звезда. В комнате (большой и непривычной) стоял сумрак. Что-то потрескивало, шелестело, пошевеливалось по углам. Леше стало очень даже не по себе. Но от Дашиного страха он осмелел:

– Чего ты боишься, глупая?

– Кто-то возится... По-моему, в шкафу.

– Ну и пусть возится, если охота.

– А если вылезет...

– Я вот ему вылезу!

Чоки-чок,
Двери на крючок.
Кто из шкафа сунется —
По башке щелчок!

Сразу стало тихо. Спокойно. Не страшно. Даша повздыхала и забралась в свою постель. Только попросила:

– Ты не спи, пока я не усну, ладно?

– Ладно, – пообещал брат. И почти сразу уснул.

Значит, все это не приснилось! Ой-ей-ей... Кто же там, в этом шкафу музейного вида?

Леша поднабрался еще побольше храбрости. К тому же при утреннем солнышке все не так страшно, как ночью.

– Ладно, выходите...

Чоки-чок,

Отворись, крючок...

– Только вы не пугайтесь, пожалуйста, – попросили из-за двери.

Леша даже рассердился слегка:

– Вылезайте живо! Мы не нервные!

Но на всякий случай он нащупал под подушкой свою рогатку и шарик из высохшей глины.

Дверцы со скрипом (конечно же, с медленным таинственным скрипом!) растворились, и на свет выбралось... существо.

Представьте себе метровой высоты пузатый самовар с футбольным мячом вместо чайника. А еще представьте, что самовар этот и мяч обмазали клеем и вывалили в клочьях пыльной шерсти, пакли, паутины и всякого мусора, затем украсили мяч-голову большущими круглыми глазами. Зелеными, как бутылочное стекло. Угадывался у мяча и широкий рот, но не было даже намека на нос.

Подставки у мохнатого самовара не имелось, зато были тонкие черные ножки в облезлых, подвязанных веревочками калошах. Самоварных ручек-держалок и крана тоже не наблюдалось, но виднелись руки почти человечьи. Только мохнатые и с ладонями цвета старых картофелялин...

Леша вдруг сообразил, что Даша тихонько визжит, а сам он сидит с рогаткой на изготовку.

– Руки вверх!

Существо послушно подняло руки с растопыренными пальцами.

– Не стреляйте, пожалуйста, я сдаюсь.

Зеленые глаза были испуганные и, кажется, печальные.

Леша стало неловко, и он опустил рогатку.

– Это я так просто... Дашка, не пищи!.. Кто вы такой?

– Видите ли... ых-пых... я... так сказать...

– Вы, наверно, инопланетянин?

– Ни в малейшей степени... Наоборот, я совершенно земное создание. Уроженец этого дома...

– А, понимаю! Вы домовый!

– М-м... если по должности, то, пожалуй, да... А если по происхождению, то не совсем... Вы позволите мне опустить руки?

– Да, конечно... Не обижайтесь.

– Видите ли, настоящие домовые – это порода домашних гномов. В свое время их предки из лесов перебрались в деревни и города и стали обитать рядом с людьми. А я... Мой папа был самовар, а мама – здешнее привидение. Они полюбили друг друга, и от их горячей любви родилось я...

– А где теперь ваши родители? – вежливо осведомился Леша. По правде говоря, его интересовало лишь привидение, самовар он и без того видел множество раз.

– Ых... увы... Папа состарился, его отправили в утиль, мама последовала за ним. Что с ними стало потом, я не знаю. Это было в давние времена... Меня зовут Ыхало...

– Очень приятно, – тихонько сказала Даша. Во время беседы она перебралась к брату и теперь храбро прижималась к нему.

– Я очень рад, что вам приятно! – обрадовалось Ыхало. – А то прежняя хозяйка меня терпеть не могла. Сперва боялась, а потом стала загонять шваброй в самые глухие закоулки. И совершенно не желала со мной разговаривать... Представьте себе, с той поры, как не стало Ореста Марковича, я впервые разговариваю с людьми.

– Вы приходите к нам почаще, – сказал Леша.

– Вы ужасно симпатичный, – сказала Даша.

– Благодарю вас... Только, простите, с меня иногда мусор сыплется, я давно не чистилось.

– Пустяки! – успокоила его Даша. – У нас новый замечательный пылесос. Фирмы «Филипс».

В это время за дверью раздался мамин голос:

– Эй, Лешки-Дашки, встать, как неваляшки! Я иду...

– Ай... – сказала Ыхало. Хотело забраться обратно в шкаф, но Даша воскликнула:

– Не бойтесь! Мама у нас хорошая!.. Садитесь вот в это кресло...

– Я стесняюсь...

Но деваться было некуда, потому что прикрывшиеся сами собой дверцы заело. Ыхало съезжилось в старинном кресле, поджало ножки. Зажмурилось, потом приоткрыло один глаз.

Мама вошла. Она была в халате и со шваброй.

– Mamочка, ты только не волнуйся... – начал Леша.

Мама уронила швабру, слегка присела, взяла себя за щеки. Глаза у нее сделались круглые.

– Mamочка, ты только не пугайся... – опять заговорил Леша. – Это...

Мама качнула головой и сказала нараспев:

– Ка-ка-я прелесть...

– Оно тебе нравится?! – подскочила Даша.

– Я в полном восторге! – Мама сияла.

Ыхало выбралось из кресла и засеменило к маме. Потупилось.

– Позвольте представиться. Меня зовут Ыхало...

– Очень, очень рада! – Мама протянула руку. Ыхало дало ей свою ладонь. Мама затрясла ее, да так сильно, что... рука Ыхала оторвалась! Осталась у мамы в пальцах и шевелилась сама по себе.

– Ай! – ужасно испугалась мама. Уронила руку.

– Ничего, ничего! – Ыхало левой рукой подхватило упавшую правую, приставило к месту. – Не беспокойтесь, пожалуйста, это бывает. Дело в том, что когда я радуюсь, то обязательно размягчаюсь. Делаюсь похожим на маму, которая состояла из тумана... А если огорчаюсь и сержусь – наоборот, становлюсь как металлический папа... А сейчас я просто таю...

Мама отдышалась. Заулыбалась опять:

– Я тоже таю от удовольствия...

– Мама, Ыхало – здешний житель, – начал рассказывать Леша. – Его папа был самовар, а...

– Не надо ничего мне объяснять! – воскликнула мама. – Я все понимаю! Вы, Ыхало, душа этого дома! Не так ли?

– Гм... – Ыхало начало таять прямо на глазах. – Видите ли... я над этим, по правде говоря, не задумывалось. Но в какой-то степени...

– Сейчас мы будем завтракать, – решительно сказала мама. И повернулась к двери. – Женя! Иди сюда! Познакомься, пожалуйста!

Появился папа. С намыленным лицом. От удивления уронил бритвенный помазок...

История кота Филарета и его тени

Леша и Даша умылись и почистили Ыхало пылесосом «Филипс».

После этого все уселись завтракать. Ыхало сначала смущалось, отказывалось от угощения, но, когда появилась банка с малиновым джемом, устоять не смогло. Намазало себе большой кусок батона. Призналось, что любит сладкое.

– А попробовать удастся так редко... Старуха никогда не угощала. Иногда мне удавалось, правда, стащить у нее немного варенья. Конечно, это нехорошо, но я брало совсем чуть-чуть. А у старухи варенье все равно пропадало: наварит в громадном объеме, а потом выбрасывает, потому что съесть одна не в состоянии. И ни с кем не делилась. Весьма скупая была особа, прямо вам говорю...

– Судя по всему, она дальняя родственница Ореста Марковича? – заметил папа.

– Весьма дальняя. И ничуть на него не похожая... С Орестом Марковичем жили мы душа в душу. Он, бывало, работает над холстом, а я сижу в уголке и наблюдаю. Случалось, он и совета у меня спрашивал... Вот помню, как он эту Большую картину писал...

И все посмотрели на картину, которая висела над диваном.

На картине были город и лес. Не город, окруженный лесом, а дома и большие деревья вперемишку – будто они вместе выросли из земли. Дома были старинные, красивые. Между ними – над ручьями, среди лесных зарослей – перекидывались горбатые мосты. А выше всех крыш и деревьев поднимался многобашенный замок – сам слегка похожий на громадное дерево.

Была в картине какая-то зыбкость и загадочность. Порой не разберешь: где кровли, а где верхушки лесных великанов. Что там темнеет: крепостная островерхая башня или пирамидальная ель? И что светится в чаще? Два окошка или глаза какого-то хитрого зверя?

Надо сказать, что перепутывались не только лес и город. С ними еще перемешивалось зеленоватое ночное небо. Просвеченные луной облака висели кое-где среди древесных стволов, цеплялись за высокие цветы и проплывали под мостами. А звезды дрожали на ветках и карнизах окон.

И было ощущение, что от картины идет еле слышный звон и стрекот, словно там среди травы не умолкают ночные кузнечики.

Это, наверно, вот почему! Казалось, что воздух вокруг леса-города хрустально затвердел, а потом раскололся на множество больших и маленьких кубиков и кубики эти кто-то слегка встряхнул, пошевелил. Теперь все виднелось как бы через множество стеклянных граней – немного запутанно и сбивчиво. Лунный диск, например, оказался надломленным в разных местах, а несколько кусочков от него откололись и светили отдельно... В общем, то ли сказка, то ли сон...

– Удивительное полотно, – сказала мама.

– Орест Маркович никому не хотел продавать эту картину, – объяснил папа. – А я, кстати, видел ее еще в детстве, когда приходил сюда...

Ыхало сказал смущенно:

– Евгений Павлович, а я вас помню. Я в щелку смотрело, когда вы Оресту Марковичу показывали свои рисунки... Только тогда вы были поменьше, в матросском костюмчике и без усов.

– Да-а... – вздохнул папа. – Годы, годы... Тогда я был такой, как нынче наш Алексей.

– Именно, – согласилось Ыхало. – Я вас и узнало, когда посмотрело на Лешу с левой стороны.

– А с правой он похож на меня, – ревниво напомнила мама.

– Совершенно верно, Елена Олеговна, – вежливо сказал Ыхало. – Это я заметило еще раньше.

– Кушайте варенье, – с удовольствием сказала мама. – Не стесняйтесь.

– А где вы живете? – спросила Даша. – Ну, понятно что в этом доме, а где именно?

– Ых-ох... По правде говоря, при старухе я жил где придется. Закутков тут всяких немало. Заберешься поглубже, чтобы не заметила, и сидишь. А летом – в баньке. Старуха туда побаивалась заходить...

– А где вы обитали при Оресте Марковиче? – спросил папа.

– При Оресте Марковиче был у меня постоянный угол. В мансарде, рядом с мастерской, есть чуланчик, по нему проходит каменная труба от камина. От нее так тепло было... ых...

– Полагаю, вам и теперь следует там поселиться, – решил Евгений Павлович. – Если не возражаете...

– Я буду счастлив! Если не стесню вас...

Мама всплеснула руками:

– Не выдумывайте, ничуть не стесните! Я даже не представляю этот дом без вас!

– Я тоже! – сказали вместе Даша и Леша.

А мама призналась:

– По правде говоря, я не очень-то хотела переезжать сюда. Но теперь, когда познакомилась с вами, ужасно рада.

В это время в больших, похожих на узкий шкаф часах скрипуче растворилось оконце. Высунулся гномик в оранжевом колпачке. В одной руке у него было бронзовое блюдо, в другой – молоточек. Он девять раз ударил по блюду. Потом повесил его на гвоздик, снял колпачок и кукольным голоском произнес:

– Пр-риветствую вас.

– Здравствуй, Петруша! – обрадовалось Ыхало. – Видишь, у нас новые хозяева. Познакомься.

– Пр-риветствую вас, – опять сказал Петруша. И окошечко закрылось.

– Ой... Он живой? – шепотом спросила Даша.

– Ну, в определенном понимании... По правде говоря, ведь и весь дом в какой-то степени живой. Это он при старухе замер и заостенел весь. А сейчас, я надеюсь, опять оживет... Вы поэтому не бойтесь, если он иногда станет покряхтывать, бормотать и, может быть, даже разговаривать, – предупредило Ыхало.

– Как интересно, – сказала мама.

Леша облизал ложку с вареньем и спросил:

– А скажите, пожалуйста, Ыхало, кто-нибудь живой еще в этом доме есть? Ну, вроде вас или Петруши?

– Есть еще тень кота Филарета, – охотно откликнулось Ыхало. – Если хотите, я вас познакомлю. Наверняка она где-то здесь... Кис-кис. Иди, Филаретушка, не стесняйся.

– М-рр... – послышалось из пустоты. А потом на освещенной солнцем клеенке, среди тарелок, возникла кошачья тень. Как бы от кота, лежащего на животе. И опять:

– М-рр, мяу... – ласково так и вежливо.

– Поразительно! – воскликнула мама. – Я только в сказках читала, что тени могут жить сами по себе!

Ыхало вздохнуло:

– У этой тени тоже почти сказочная история. Странная и грустная.

– Расскажите! – подскочил Леша.

– Расскажу, расскажу... Ты, Филарет, не возражаешь?.. Вот и хорошо... Значит, случилось это давным-давно. Орест Маркович тогда еще мальчиком был. И жил в ту пору в этом доме серый-полосатый кот Филарет. Однажды вечером сидел он на подоконнике и смотрел, как приближается гроза. Надо сказать, что многие коты любят грозу, в кошачьей шерсти от грозы электричество заводится, и это, видимо, приятно...

– Мр-р... – подтвердила тень.

– Ну, вот... Окно еще не успели закрыть, Филарет сидел и впитывал грозовую атмосферу. И тут над садом ка-ак сверкнет молния! Совсем рядом! Всю комнату осветила. А на стене тут же, конечно, отпечаталась Филаретова тень. И в этот же миг – гром! Трах-тарарах!.. Бедный Филарет кинулся с подоконника в сад, и с той поры его не видели. Потом уже Орест Маркович говорил, что, наверно, Филарет угодил в какое-то другое мировое измерение. Я в этом не разбираюсь...

– А тень? – напомнил папа.

– А тень осталась! Да-да! Филарет прыгнул так стремительно, что она за ним не успела! К тому же зацепилась хвостом за гвоздик, на котором висела фотография Орика. То есть маленького Ореста... Вы обратите внимание, хвост у тени так и остался оторванным наполовину...

Тень на столе быстро подобрала под себя обрывок хвоста и муркнула недовольно.

– Да ты не стесняйся, Филарет, – сказала Ыхало, – здесь все свои... Можно, я про твою коллекцию расскажу?

– М-м? Мр... мя...

– Все понимает, – с удовольствием сообщило Ыхало и погладило тень ладошкой. – Жаль только, что разговаривать по-человечески не научилась. Но по-своему мы с ней часто беседуем...

– А что за коллекция-то? – нетерпеливо напомнил Леша.

– Видите ли, когда тень стала жить сама по себе, жизнь эта показалась ей ужасно скучной. Раньше-то у нее те же интересы были, что у кота. Все вместе, вдвоем. А теперь что? Бесплотное, так сказать, существование... Вот от нечего делать и увлеклась она филателией. Может, потому, что «Филарет» и «филателия» похожие слова.

– Никогда не слыхал, чтобы кот собирал марки! – удивился папа. – И тем более тень кота!

– А между прочим, это весьма удобно, – объяснило Ыхало. – Тень – она совершенно плоская, может проникать в самые тонкие щели. И между листьями альбомов тоже... Она стала бродить по городу, узнавала адреса коллекционеров и... В общем, заберется в альбом и марку за маркой коготочком себе в кармашек... Теперь у тень-Филарета богатейшая коллекция!

Наступило неловкое молчание, потом Даша нерешительно сказала:

– Но ведь это нехорошо... чужие марки из альбома...

Тень на столе возмущенно фыркнула и взъерошилась, а Ыхало воскликнуло:

– Вы меня неправильно поняли! Тень вытаскивала не сами марки, а тени от них! Они-то ведь коллекционерам совершенно не нужны! Посудите, какая разница, есть в альбоме под маркой тень или нет!

– Это совсем другое дело! – обрадовался папа. – Вы, Филарет, удивительно остроумный кот... э, виноват, тень кота. – И он тоже погладил тень на клеенке. Тень замурлыкала и растопырила лапы...

– Почешите у него за ухом, – шепотом попросило Ыхало, – он это очень любит.

Папа поскреб ногтем клеенку, где была тень уха. Мурлыканье стало громким и благодарным.

– Знаете что, тень-Филарет, – сказал Леша, – у меня тоже есть марки. Если хотите, я вам все тени от них подарю.

– М-мяу...

– Все прекрасно! – объявила мама. – Однако пора заниматься домом. Надо как следует расставить мебель, развесить шторы и вообще навести порядок.

– Я вам с удовольствием помогу, – пообещало Ыхало. – Только мне надо сперва отвердеть, а то я совсем таю от удовольствия.

Шерсть, хвост и коллекция

В доме было несколько просторных комнат и множество закутков, чуланчиков, переходов и лесенок. Дом был почти двухэтажный. Почти – потому что второй этаж не отличался той прочностью и высотой, что нижний. Назывался он «мансарда». Там располагалась мастерская художника. Часть крыши у мансарды оказалась застекленной, чтобы в мастерской было больше света. Ух, как хорошо здесь будет работать папе! Не то что в прежней двухкомнатной квартирке.

Но, кроме мастерской, были в мансарде еще две комнатки и несколько кладовок. В одной из них и собиралось поселиться Ыхало...

Все помещения надо было прибрать, каждой вещи найти свое место. Работы хватило всем. Ыхало помогало папе двигать книжные шкафы. Правда, не всегда это получалось удачно. Несколько раз Ыхало сплющивалось в лепешку и дважды теряло руки, потому что временами опять начинало таять – от радости, что оказалось в такой прекрасной семье.

Тень кота Филарета помогать, конечно, не могла. Но она то и дело показывалась на освещенных солнцем обоях и шторах, не покидала компанию.

А гном Петруша каждый час высовывался из окошечка над циферблатом, бил в бронзовое блюдо и говорил:

– Приветствую вас.

Даша остановилась перед часами и задрала голову.

– Скажите, пожалуйста, Петруша, а еще что-нибудь вы умеете говорить?

– Приветствую вас! – радостно сказал Петруша и ударил в блюдечко два раза.

– Пора обедать! – сообщила мама. – Суп и сосиски уже сварились.

Обедали на кухне. Ыхало сперва отказывалось садиться за стол, но его упростили. Оно смущенно приткнулось на табурете между столом и холодильником. Над ним возникла тень кота Филарета и муркнула.

– Он... то есть она спрашивает, – сказала Ыхало, – можно ли скушать тень одной сосиски...

– Хоть все! – воскликнула мама. – Я надеюсь, на самих сосисках это никак не скажется!

– Не скажется. Но... ых... однажды подобный случай стал причиной весьма громкого скандала. Тень кота скушала тень селедки, а старуха это заметила. И сперва не поняла, в чем тут дело. Представьте себе, помчалась в магазин: «Вы мне продали селедку без тени. Заберите обратно, отдавайте деньги!» Там, конечно, смех. Говорят: «Тени от рублей берите. Хоть тысячу...» Старуха пошла домой и просто булькала от злости. А по дороге наконец сообразила, кто виноват. Пришла и давай по всем комнатам со шваброй носиться, по стенам стучать. Чтобы, значит, выгнать тень из дома. Но ее разве отыщешь, тень-то, если она в щели... Зато шуму было!

– Мрр-р... – согласилась тень кота, дожевывая тень сосиски.

После обеда решили отдохнуть. Ыхало сказала, что пойдет подремать в баньке. Тень Филарета куда-то пропала. Папа ушел в мастерскую, мама прилегла в спальне, а Даша на диване под картиной занялась своими кукольными выкройками. Она давно решила стать художником-модельером.

Леша посидел тут же, поразглядывал еще удивительную картину. Решил, что потом попробует нарисовать что-нибудь похожее. И пошел бродить по сонному дому.

Но бродил он недолго. Навалилась на Лешу дремота. В небольшой комнате с зелеными обоями он увидел старинное плюшевое кресло. Плюхнулся в него, отвалился к спинке, вытянул ноги и прикрыл глаза.

Было тихо, только за окном в саду ссорились воробьи. Из-за шторы падала широкая солнечная полоса. Она медленно двигалась. Добралась до Лешиных ног и стала греть ему колени. Это было приятно. Однако вдруг тепло исчезло, будто махнули прохладным крылом. Леша открыл глаза. На ногах лежала тень, и на левой коленке видно было очертание кошачьего уха.

– А, это вы, тень-Филарет?

– М-р, мяу...

Видимо, тень вспомнила прежние кошачьи привычки и решила подремать на коленях у маленького хозяина.

Леша погладил очертанье кошачьей головы. Тень опять муркнула. Но сам Леша ничего не ощутил. Вернее, почувствовал под ладонью свое собственное колено с засохшими ссадинками, но ни малейшего намека на кошачье присутствие. Даже досадно сделалось... но тут же у Леша появилась великолепная мысль! Он крикнул на весь дом:

– Даша! Беги сюда! Скорее!

Даша примчалась:

– Что случилось?!

– Помнишь, у тебя среди лоскутков был кусок меха от старой маминой шубки? Давай подарим его тень-Филарету. Тень будет лежать на меху, и мы сможем ее гладить, как настоящего кота. И ей приятно будет, и нам.

– Но ведь мех-то искусственный...

– Какая разница! Все равно пушистый. Неси!

Даша принесла большой клочок черной синтетической шкуры. Его положили на солнечном полу.

– Тень-Филарет, идите сюда.

Тень оказалась очень сообразительной. Растянулась на меху и радостно заурчала, когда ее принялись гладить в четыре ладошки. Шевелила растопыренными лапами и обрывком хвоста. Просто млела от удовольствия.

Но всякое удовольствие в конце концов приедается. Тень ускользнула из-под ладоней и прыгнула на стену у плинтуса.

Тени – они ведь прозрачные. И эта была такой же. Весь узор обоев виднелся сквозь нее, только не так ярко, как на солнышке, а потемнее. В общем, как в тени. И в то же время контур кота был различим великолепно.

Тень горбила спину и потягивалась: разминка после недавних нежностей. Несомненно, что Филарет был в свое время рослым породистым котом, в меру пушистым, в меру упитанным. Тень сохранила все эти признаки. Только оборванный наполовину хвост портил вид.

– Даша, а давай приделаем Филарету новый хвост!

– Как? – удивилась Даша. А тень замерла.

– Сейчас попробуем... Тень-Филарет, вы хотите?

– Мр-р... М-мяу? – Видимо, это означало: «Разумеется. Но каким образом?»

– Вы только не исчезайте, я сейчас!

Леша умчался и мигом вернулся с акварельными красками, кисточкой и блюдцем. В блюдце была вода.

Леша кисточкой разболтал в воде немного черной краски. Провел по обоям полосу. Получилась она сероватая и прозрачная – как настоящая тень.

– В самый раз, – деловито сказал Леша. – Тень-Филарет, вы не двигайтесь, пожалуйста...

Тень послушно замерла, только уши ее ровно шевелились.

Обрывок хвоста стоял торчком. И Леша жидкой серенькой краской нарисовал у обрывка продолжение. Длинное и пушистое! Наверняка даже в самые лучшие времена у Филарета не было такого роскошного хвоста.

– Мр-р? – вопросительно сказала тень. Что, мол, дальше-то?

– Сейчас, сейчас... – И Леша беззвучно зашевелил губами. Наморщил лоб. Как назло, не придумывались нужные строчки... Стало тихо. И к счастью, в этой тишине начало что-то поскрипывать, застрекотало тихонько. То ли старое кресло проснулось, то ли сверчок объявился под обоями.

Леша обрадованно прошептал:

Чоки-чок,
Чоки-чок,
В тишине поет сверчок.
Новый хвост, держися крепко,
Как на дереве сучок.

Разумеется, хвост мало напоминал сучок, но главное, чтобы наколдовать прочность...

Даша прижала к щекам ладошки и широко раскрыла глаза. Ох, как ей хотелось, чтобы хвост прирос!

Леша строго сказал:

– Тень-Филарет, слушайте внимательно. Когда скамандую – вам надо прыгнуть вперед очень быстро, чтобы хвост не успел отвалиться... Приготовились. Ра-аз, два-а... три!!

Тень метнулась так, что на миг ее будто размазали по стене. Потом замерла опять. И хвост... хвост был при ней!

– Ура! – завопил Леша и встал на руки. При этом из карманов у него посыпались винтики, фантики, ластики и увеличительные стеклышки.

Тень кота несколько секунд сидела, вывернув голову и любуясь хвостом. И вдруг подскочила, начала носиться по стенам и половицам, исчезая в темных местах и появляясь на солнце.

– М-мяу-ау! – радостно вопила она. И даже кувыркнулась через голову. Кончилось тем, что из тень-Филарета посыпались какие-то маленькие квадратные тени. Запятнали пол. Тень-Филарет прекратил скачку, начал подбирать квадратики лапой и прятать в себя.

– Ой, он свою коллекцию рассыпал! – догадался Леша.

– Сразу видно, что мальчишка, – сказала Даша маминым голосом. – Всегда у вас все валится из карманов.

Тень-Филарет недовольно мявкнул. Возможно, обиделся. Даша смутилась. И чтобы загладить вину, ласково попросила:

– Тень-Филарет, а вы не могли бы показать нам всю вашу коллекцию?.. Ну, конечно, рисунки мы не разглядим, но хотя бы посмотрим, сколько у вас марок. И какой они формы...

– Мр-р... – с удовольствием согласилась тень, помахивая роскошным хвостом. Видимо, она и сама была не прочь лишний раз полюбоваться своим сокровищем.

Даша и Леша раздвинули шторы, чтобы солнце осветило как можно больше места на полу.

В движениях тень-Филарета появилась важность. Растопыренной лапой он стал раскладывать на желтых половицах зубчатые тени марок: квадратики, треугольнички, ромбики. Ряд за рядом...

– Жаль, что ничего на них не видно, – вздохнула Даша.

– Здесь, наверно, замечательные редкости есть... – сказал Леша. – Просто глаза чешутся, так хочется поглядеть... ой, а если...

– Что? – обрадовалась Даша. Она знала: когда брат говорит «ой, а если», у него появляется мысль. А мысли у Леши часто бывали удачные. Сами посудите: только за последний час – и мех для кота, и хвост...

Леша уселся в кресле, зажмурился, посидел с полминуты. И подскочил, словно пружина кресла поддала его снизу:

- Дашка! Надо применить тенескоп!
- Кинескоп? – удивилась она.
- Те-не-скоп!.. Специальный прибор, чтобы разглядывать тени.
- Разве такой бывает?
- Ну... раз название придумалось, значит, и прибор должен получиться.
- А как?
- Не знаю. Попробую. Мне будет помогать... эта самая... ин-ту-иция.
- А-а, – понимающе сказала Даша. – Я тоже буду помогать, ладно?
- Дай-ка бумагу... И принеси клей... И мою коробку со всякими штучками.

Из бумажного листа Леша склеил плотную трубку. Вставил в нее увеличительные стеклышки. Обмотал трубку медной проволокой, которую нашел в «коробке со всякими штучками». Подсоединил к проволоке батарейку и лампочку от фонарика. Потом подумал и приделал раструб из фольги.

- Это для защиты от всяких теневых помех...

Тень-Филарет уже по всему полу разложил тени марок и теперь сидел у плинтуса в скромной выжидательной позе.

Леша примотал изолентой батарейку к трубке и сказал, что прибор готов.

- Только вот еще что...

Чоки-чок,
Чоки-чок,
Загорайся, светлячок.
Покажи, что было тенью,
В тенескоповский зрачок...

Лампочка замигала. Леша поднес трубку к левому глазу, а правый прищурил. Навел серебристый раструб на тень кота...

- О-ой... Дашка...
- Что? Что, Лешенька? – Она рядом приплясывала от нетерпения.
- Сейчас... Ух ты... На, взгляни.

Даша взглянула. И тоже сказала «о-ой». Вместо тени у стены сидел красавец кот – серый, с темными полосками. Он шевелил пушистым хвостом, топорщил белые усы и мерцал зелеными глазами...

- Лешка, вот все удивятся-то!
- Ыхало обрадуется...

Они еще полюбовались котом и стали смотреть марки. Ходили по полу на цыпочках, чтобы не наступить на маленькие зубчатые тени, садились на корточки и по очереди заглядывали в тенескоп.

- Ух ты!..
- Красота какая!..

Надо ли говорить, что марки в тенескопе выглядели как настоящие! И каких тут только не было! Со всего мира! С королями и президентами, с удивительными зверями и птицами, с кораблями и самолетами, со всякими гербами и непонятными знаками...

У Лешки в его альбоме не было и сотой доли таких сокровищ. Он совсем забыл, что это лишь тени марок, и завистливо вздыхал. Даша тоже вздыхала – с пониманием.

Тень-Филарет не мешал, смирно сидел в сторонке: любуйтесь, мол...

- Дашка, ты уже долго смотришь, – напомнил Леша. – Дай мне.
- Сейчас... Тут такое...
- Ну, давай. Имей совесть...

- На... Смотри, на этой марке, как на той картине...
- Что? Где? Ну-ка...

Предчувствие страны

Марка и правда была как маленькая картина! Знакомая. Город-лес, многобашенный замок, желтое пятнышко луны...

Леша покрутил стеклышко, добавил увеличение.

– Не совсем в точности... Но похоже... Надо же! Значит, она по правде есть, такая страна!

– Там написано: «Австралия», – выдохнула у его щеки Даша.

– Не «Австралия». «А-стра-ли-я», – прочитал Леша.

– Такой страны нету. Наверно, опечатка.

– На марках опечаток, по-моему, не бывает... А если бы «Австралия», было бы напечатано иностранными буквами...

– Там есть иностранная! Буква «И». В виде палочки.

– Это не иностранная, а старинная. Так в прошлом веке писали... – Леша еще раз прошелся тенескопом по слову на марке: АСТРАЛИЯ. – Значит, и марка старинная. Вот бы узнать, откуда...

– Тень-Филарет, наверно, знает...

– Да не скажет по-человечески...

– А мы попросим Ыхало! Он узнает у Филарета и переведет нам!

– Правильно! Умница Дашка!

Они поблагодарили тень-Филарета и спросили, не сможет ли он потом показать марку из Астралии еще раз.

– М-мая, мур... – сказала тень. Мол, о чем разговор, сколько хотите. И стала собирать марки в карман.

А Даша и Леша прямо через окно выбрались в сад. Чтобы тут же разыскать Ыхало и узнать про таинственную марку.

Сад был запущенный. Часто росли старые яблони с крючковатыми стволами, подымались три вековые липы и темная высоченная ель. У забора курчавились рябины. И всюду – густая трава и сорняки.

– Ох и работы здесь, – маминым тоном сказала Даша. – Чистить и чистить...

– А мне без чистки больше нравится. Как джунгли...

Но джунгли тоже хороши в меру. Оказалось, что банька, в которой отдыхало Ыхало, по крышу заросла дремучей крапивой. И дверь, и окошко...

– Лешка, нам не пролезть...

Леша вспомнил свой пластмассовый меч.

– Схожу за оружием. Будем прорубаться.

– Не надо. Вдруг Ыхалу не понравится, что мы без спросу... Подождем, когда оно само выйдет.

Но когда появится Ыхало, было неизвестно, поэтому решили погулять просто так. Облазили весь сад. Нашли у забора пустую собачью конуру и два больших фанерных ящика. Обнаружили колодец со сгнившим срубом...

– Ух, какая глубина!.. Смотри, вода блестит.

– Ай, Лешка, не свешивайся!

– У-у-у! – сказал Леша в глубину.

– У-у-у... – ответил колодец. Из него несло сырой прохладой, сразу мурашки по коже.

– Леш, а зачем колодец? В доме же водопровод.

– Это сейчас водопровод, а раньше, наверно, воду брали из колодца... А теперь тут кто-нибудь живет. Вроде Ыхала, только водяной...

– Никто там не живет, – зябко сказала Даша. – Пойдем лучше вон в ту калитку...

За калиткой был чей-то заброшенный двор. Вернее, ничей. Когда-то стоял здесь дом, но его снесли, и получился пустырь.

За пустырем среди ольховых зарослей журчал ручей. Пробрались через кусты, сняли сандалии и перешли на другой берег – неглубоко было. Оказались на покрытой ромашками поляне. За ней зеленела насыпь. С перестуком пробежала по насыпи электричка.

– Здесь ветка на Петуховск, – сказал Леша. – Мне папа говорил.

– А эта ветка куда? – Даша показала мокрой ногой в траву. В траве тянулись рельсы. Они лежали на гнилых шпалах очень близко друг от друга – как на детской железной дороге в парке.

– Узкоколейка. Про нее папа тоже рассказывал. Здесь когда-то ходил маленький поезд, возил грузы со станции на пристань. Но это давно было.

Сейчас между шпал росли репейники, а рельсы прятались под лопухами.

– Жаль, что теперь не ходит маленький поезд, – опечалилась Даша.

– Зато можно здесь играть!.. Мы сами сделаем паровоз и вагоны! И помчимся, как по дикой прерии!

– И на нас будут нападать индейцы, да? Ура!

Они через кусты и ручей притащили сюда из сада фанерные ящики. Хотели и конуру, да она оказалась очень уж тяжелая. Зато рядом с конурой отыскались четыре березовых кругляка – пригодятся вместо колес.

Кругляки положили на рельсы. Сверху поставили ящики. Леша залез в передний ящик и произнес голосом Петруши:

– Пр-иветствую вас! Поехали... куда? Ура, в Австралию!

– Ой, Леш! А мама-то небось нас уже ищет. Мы ведь не сказали...

– Ладно, бежим домой. Скажем и поедем...

Мама и правда искала их. И сказала, что ехать в Австралию и другие страны ее ненаглядным детям сегодня не придется. А придется наводить порядок в своей комнате, потому что там все еще кавардак. А кроме того, не надо забывать и о занятиях. Даша обещала маме помочь разобраться с выкройками, а Леше полезно посидеть с альбомом. Тот, кто хочет стать художником, должен хоть немного рисовать каждый день.

Леша еще не решил, будет ли он обязательно художником. Но спорить не стал. И Даша не стала. Стоит ли капризничать, когда впереди почти целое лето, а вокруг столько чудес!

– Пр-равильно, – сказал гном Петруша и ударил в блюде пять раз.

Леша и Даша прибрались в комнате, потом поужинали. Ни Ыхало, ни тень-Филарет не появлялись.

– Я не хочу картофельную котлету, – дурашливо сказал Леша. – Можно, я съем ее тень?

– Ешь котлету! – велела мама. – А то от тебя от самого скоро останется тень, как от Филарета. Худой, как соломина!

– Я толстый! – Леша надул щеки и перестарался: брызнул на стол грибным соусом.

Мама сказала, что поставит его в угол.

– А в углу как я буду рисовать?

После ужина Леша устроился в большой комнате перед картиной и стал срисовывать с нее замок. Он уже нарисовал все башни, но тут стали слипаться глаза. Он таращил их на картину, а там начиналась чехарда: деревья и дома танцевали и прыгали друг через друга. Луна превратилась в золотую рыбку. Шевельнула прозрачным хвостом и поплыла среди марлевых облаков...

Леша не почувствовал, как папа поднял его и унес в постель...

Таинственный свет

Сначала Леша спал очень крепко. Ничего не видел во сне и ничего не чувствовал.

Потом что-то стало его щекотать, покусывать.

Леша сонно вертелся и почесывался. И наконец проснулся.

«Неужели здесь клопы водятся? – подумал он сердито. – Или блохи?»

Он почесался еще раз. Щекотанье прекратилось. Но уснуть Леша не мог. Лежал и слушал, как поскрипывает (наверно, тоже не может уснуть) дом. Тихонько дышала в своей постели Даша. В комнате было темно. Однако в щели между плотной шторой и косяком виден был розовый свет.

Леше наконец стало ясно, что этот свет и не дает ему уснуть. Он был какой-то тревожный.

«Может быть, закат такой?»

Но в соседней комнате дважды звякнул бронзовым блюдцем Петруша. Даже в самые светлые ночи июня в два часа заката не бывает. И рассвета тоже...

«А может быть, это зарево пожара?.. Ой, а вдруг банька горит, где Ыхало?»

Нет, свет виднелся в стороне от баньки. И не вздрагивал, не метался, как отблески пламени. Он был совсем неподвижный. Словно за темным садом зажгли большую лампу с розовым абажуром.

«А если это инопланетяне?» – У Леша от волнения стало прохладно в желудке.

Там, за деревьями, была тайна, и не пойти туда было невозможно. Особенно сейчас, посреди ночи, когда кругом все такое загадочное и непонятно даже, наяву это или во сне.

Леша машинально, будто кто-то им двигает, стал одеваться. А в груди сидело особое, «обмирательное» чувство.

Потом Леша подумал: не разбудить ли, не взять ли с собой Дашу? Если она будет бояться рядом, у него страх сразу поубавится... Но нет, нельзя ее брать. Вдруг инопланетяне прилетели охотиться за людьми? Тогда уж пусть похитят одного Лешу, а сестренка останется маме и папе для утешения.

Впрочем, пусть попробуют похитить! Без боя он им в руки не дастся!

Под кроватью, в картонной коробке, Леша нащупал горстку глиняных шариков – это были пули. Он положил их в карман. Взял из-под подушки рогатку. В карман рогатка не влезала, Леша сунул ее за пояс на шортах. Потом надел сандалии и опять забрался на подоконник. Тихо растворил окно в прохладную ночь.

Ночь пахла диким садом.

Небо над головой было мутноватым, белесым, в нем дрожало лишь несколько звезд. Кусты и деревья казались абсолютно черными и мохнатыми. Леша скакнул с подоконника, постоял, взял на изготовку заряженную рогатку и пошел, путаясь ногами в длинной остывшей траве. Пошел туда, где за чащей веток светила страшноватая загадка.

В стороне осталась банька. Леша уперся в забор, отыскал калитку, выбрался на пустырь. Казалось, что розовый свет стоит совсем недалеко, прямо за кустами, в которых булькает ручей.

Ох, а если в кустах кто-то есть? И хватать за бока... Но все равно надо идти. Тут уж никуда не денешься. Вроде бы ноги от страха не слушаются, но за спиной будто кто-то строго шепчет: шагай, шагай, не оглядывайся...

Леша продрался сквозь кусты. Кажется, порвал рубашку. Сбросил сандалии, перешел ручей. Вода показалась очень теплой. Он опять обулся. Вышел на поляну с ромашками (они светились в темной траве). Рядом громоздились на рельсах узкоколейки ящики-вагоны игрушечного поезда.

А розовый свет широким пятном висел над насыпью железной дороги. Было ясно, что источник света прямо там, за этим валом. Совсем недалеко...

А может быть, лишь кажется, что недалеко? Вдруг этот свет специально заманивает Лешу? Наверно, лучше вернуться...

Но тут пробежал по насыпи гулкий поезд с цепочкой желтых окошек. И от этого Лешин страх поубавился. Леша зашагал сквозь траву с ромашками. И даже рогатку разрядил, повесил резиной на шею.

Он забрался на крутую насыпь. Здесь пахло теплыми шпалами и железом. Свет подымался из-за берез, чьи стволы белели совсем неподалеку. Леша съехал с насыпи. Березы расступились и опять сомкнулись – у Леша за спиной. А розовое зарево светило за стволами.

Леша опять зарядил рогатку.

Теперь кругом был настоящий лес. Плотный, черный. Вершины уходили в небо. А внизу началась чаща: низкорослый колючий ельник. Он почти, совсем заслонил розовый свет. Чтобы не потерять направление, Леша левым плечом вперед ринулся сквозь елки напролом. И... выскочил на просторную поляну.

И наконец увидел т о с а м о е.

Сперва показалось, что и правда летающая тарелка. Метра два в диаметре. Она ребром засела в развилке сухой березы. Не очень высоко – взрослый дотянулся бы до нижнего края.

Тарелка испускала равномерный свет, который сперва показался Леше очень ярким. Но это сперва. Леша поморгал и разглядел на светящемся диске какие-то выступы, узоры, чешуйчатый рисунок. И сразу перепуганно понял, что она – ж и в а я!

Это была вовсе не тарелка. Это была громадная круглая рыба!

С одного края спускался до земли легкий, будто марля, хвост. Вверху торчал зубчатый плавник. Темнели жабры, и выделялся круглый черный глаз. И рот был! С толстой нижней губой, капризно выдвинутой вперед.

Глаз размером с крупное блюдо блестел, шевелился и смотрел на Лешу.

Леша качнулся назад и пятился, пока его не кольнули в затылок еловые ветки. Тогда он услышал глухой недовольный голос:

– Подожди...

Леша замер.

– Только не вздумай стрелять, – сердито предупредила рыба.

– Нет, что вы... – Леша торопливо повесил рогатку на шею.

Рыба тихонько постонала и вдруг чихнула. Так, что сухая береза качнулась и с нее посыпался мусор.

– Будьте здоровы, – слабеньким от страха голосом сказал Леша.

– Спасибо... Ты, наверно, мальчик Леша, который приехал в старый дом на Крайней улице?

– Да... А вы откуда знаете?

– С высоты все видно, – с кряхтеньем откликнулась рыба. – Да никто другой, кроме тебя, и не мог тут оказаться...

– Почему? – прошептал Леша.

– А вот потому...

Леша решил на новый вопрос:

– Простите, пожалуйста, а вы кто?

– Неужели не видно, кто я?.. Рыба-луна. Разве не слышал про такую?

– Слышал, конечно. То есть читал... Но ведь рыба-луна, по-моему, живет в море. А не на дереве...

– Ну, во-первых, я не совсем обычная рыба-луна, у меня особая должность. А во-вторых, я тоже живу в море... а-а-чхи!.. Ох, грехи наши тяжкие... Но живу я там днем, а ночью выплываю на небо. И работаю луной.

– Вот удивительно... – Леше стало очень интересно и потому уже не так страшно. – Извините, но разве... в небе мало одной луны?

– Разумеется, мало, – ворчливо откликнулась рыба. – Посуди сам: настоящая луна светит не всегда, бывает и новолуние. Например, как нынче. А в здешней стране лунный свет необходим постоянно. Только при нем тут могут совершаться удивительные дела, без которых жизнь теряет всякий смысл.

– А... в какой это... здешней стране? – спросил Леша с новым замиранием.

– Разумеется, в Астралим.

– Ой... значит, здесь Аستراليا?

– Да. То есть почти. Так сказать, краешек пограничной области... А-ап-чхи!.. Ох, ну что за мучение...

– Вы, видимо, простудились, – вежливо заметил Леша. Он уже совсем не боялся. Узнав, что здесь Аستراليا (или почти Аستراليا), он понял наконец, что это сон. Как ему повезло – увидеть такой замечательный сон!

– Конечно, я простудилась, – капризно проговорила рыба-луна. – Наконец-то ты это сообразил. Может быть, сообразишь и дальше?

– Но... я не понимаю... А! Вам надо помочь, да?

– Само собой! Я совсем ослабела, опустилась и застряла в этой дурацкой березе...

– Едва ли я сумею вас вытащить, – озабоченно сказал Леша.

– Я выберусь сама, если подлечусь. А сейчас у меня высокая температура. Видишь, какого я цвета? Обычно я излучаю чистый мирный свет, а сейчас... ужас просто. Багровый оттенок. При таком зловещем освещении могут случиться всякие кровавые дела, а я окажусь виновата...

– А... как же вам подлечиться? Нужно какое-то лекарство?

– Слава Богу, догадался!

– У нас дома, кажется, есть аспирин. Я могу сбегать... – Леша посмотрел на рыбу-луну с большим сомнением. Сколько же аспирина понадобится такой громадине?

– Ну что ты выдумываешь, – со стоном произнесла рыба-луна. – Какой аспирин! Из моего тела лишний жар может прогнать только мороженое!

– Где же я возьму сейчас мороженое? – растерялся Леша.

– По ночам его иногда продают в электричках. Бывает, что продавцы не успевают распродать его за день и ездят до утра.

– Ох... значит, мне нужно садиться в поезд?

– А-ап-чхи-и!! Фу ты, какое несчастье... Конечно, тебе надо сесть в поезд. И походить по вагонам, поискать... Тут недалеко, на насыпи, есть остановка «Сорок четвертый километр». Вот там и садись.

– Без билета?

– В Астралии все ездят без билетов.

«Это ведь сон», – вспомнил Леша.

– А мороженое как продают? За деньги или за так?

– Что за глупости! Мороженое везде продают за деньги.

– Но у меня ни копейки...

– Сейчас натрясу чешуек...

Рыба-луна стала вздрагивать. Чешуйки посыпались в траву. Светлые, размером с пятак. Леша кинулся подбирать их. Они были похожи на покрытые светящейся краской кружочки из пластмассы.

– Это такие деньги в Астралии? – робко поинтересовался Леша.

– Не притворяйся несмышленным! – опять рассердилась рыба-луна. – Неужели ты не знаешь, как превратить мою чешую в пятаки?

– Ой... кажется, знаю!

Горстка чешуек лежала у Леша на ладони.

Чоки-чок,
Чоки-чок,
Превратися в пяточок...

И верхняя чешуйка стала новеньким пятакон.

Чоки-чок,
Чоки-чок...

– Ты можешь заняться этим по дороге, – ворчливо заметила рыба-луна. – Торопись на остановку. Электричка будет через десять минут.

– А как обратно? Она же увезет меня неизвестно куда!

– А это уж смотри сам. Ты ведь мечтал о приключениях...

Леша мечтал, конечно! Когда читал книжки и смотрел телевизор. Но он не думал, что в приключениях бывает такая кусачая еловая чаша. И так сыплются за ворот сухие иголки. И кругом колючая тьма... Чтобы отвлечься от этих неприятностей, Леша, пробираясь к насыпи, бормотал:

Чоки-чок,
Чоки-чок,
Превращайся в пяточок...

Чешуйки лежали в нагрудном кармане рубашки, и с каждым «чоки-чоком» карман тяжеле-
лел.

«Мороженое стоит три рубля. Это значит, надо повторить считалку шестьдесят раз...»

И точно на шестидесятом разе Леша выбрался к насыпи.

Ух, как хорошо-то! Не колется, не царапается, и гораздо светлее, чем в лесу... Минут пять Леша топал по шпалам и наконец увидел дощатую платформу с желтой лампочкой на столбе и с надписью: «44-й км». И тут же раздался далекий гул. А еще через минуту подкатила электричка...

«А может, не надо? – подумал Леша. – Уеду за тридевять земель...»

Но если не сесть в вагон, это будет самая настоящая трусость. И рыбу-луну жаль... И сон с приключениями оборвется в самом интересном месте.

Открытые двери вагона нетерпеливо шипели. Леша схватился за поручни и прыгнул в тамбур. Поезд дернулся и набрал скорость.

Как Леша вылечил тетушку Ихтилену

В вагоне светили бледные плафоны и было пусто. Колеса стучали очень гулко и, кажется, с угрозой. В распахнутые окна залетал зябкий ветер, он гонял над полом колючую пыль.

Леша пошел в проходе между скамейками. Ни души. Ну, кто здесь будет продавать мороженое!..

С натугой отворяя двери, Леша прошел в другой вагон. «Бу-бу, бу-бу, бу-бу», – гудела от колес пустота. И снова никого. Только на одной скамейке подпрыгивала забытая кем-то мужская туфля...

И в третьем вагоне, и в четвертом не было никого. И в пятом... Все тот же гул, сквозняки и ощущение скорости, будто поезд несется где-то в космосе.

Леша все отодвигал, отодвигал двери, шагал, шагал, придерживая на груди ужасно тяжелый карман... Да сколько же в этом поезде вагонов?! Кажется, что не меньше ста! А сколько времени Леша идет по ним? Наверно, целый час! И за это время – ни одной остановки! Ох, куда его занесло? Ох, какой он маленький и одинокий! Ох, как заблудился он в своем запутанном сне!.. Кончится ли это?..

И вот – кончилось! В конце вагона белела куртка продавщицы! Худая тетка сидела на скамье и дремала, опираясь локтем на синий ящик с надписью: «Мороженое. Кооператив «Пингвин»!

Леша подбежал.

– Здравствуйте! У вас найдется хоть одна порция?

Тетка вздрогнула, подняла лицо. Ой... Что-то знакомое было в этом лице. Неужели?.. Нет, просто похожа... Но на всякий случай Леша еще раз сказал «здравствуйте». Шепотом...

Продавщица насупленно спросила:

– А деньги у тебя есть?

– Да! Вот... – Он стал выгребать из кармана пятаки.

Они были новенькие, один к одному. Сверкали. Но продавщица осталась недовольна:

– Ты бы еще копейки принес!.. Это же целый час надо считать!

– Можно не считать! Тут ровно три рубля, честное слово!

Продавщица что-то буркнула, погрузила пятаки в карман куртки. Открыла ящик. Достала белый брикет с надписью: «Сливочное».

– Повезло тебе. Это последнее.

– Большое спасибо! – И он поскорее пошел прочь. Но продавщица строго окликнула:

– Постой... Пеночкин! А почему ты едешь ночью один?

– Я... у меня важное дело.

– Вижу я, какое дело! Почему ты в таком виде? Растрепанный, рогатка на шее болтается! Срам...

– Но я... понимаете ли...

– Скажи маме, чтобы завтра же позвонила мне. И мы поговорим о твоём воспитании.

– А вот и не скажу! Все равно я уже не в вашем классе! И писать буду левой рукой!

– Ах ты негодник! Я тебя к директору!..

Но тут зашипели тормоза и поезд резко встал. Леша еле удержался на ногах. И бросился к выходу.

Он выскочил на дощатую платформу. Заоглядывался. Где он? Дождется ли обратного поезда?

Горела на столбе лампочка, освещала название площадки... Что это? Не может быть! Вот счастье-то! «44-й км»!

Под лампочкой крикнул черный репродуктор. Сказал мужским хриловатым голосом:

– Поздравляем Лешу Пеночкина с рекордом. Он без остановки и пересадки объехал вокруг всей Австралии... А сейчас, Леша, торопись, а то растает мороженое.

В самом деле, уже капает! И Леша бросился сперва по рельсам, а потом с насыпи вниз.

Теперь ему повезло. Под ногами сама собой отыскалась тропинка. И стала разматываться, повела, повела на розовый свет, а елки послушно расступались перед Лешей.

Когда он выбежал на поляну, рыба-луна по-прежнему сидела в развилке березы.

– Ну? Принес?

– Да! Вот...

– Как ты быстро обернулся, – подбровившим голосом сказала рыба-луна.

– Разве? А мне показалось...

– Неважно, что тебе показалось. Кидай мне лекарство... – И она еще сильнее оттопырила нижнюю губу.

– Сейчас, только разверну.

– Не надо, кидай так...

«Не промахнуться бы...» Леша прицелился и бросил размякший брикет, как бросают в корзину баскетбольный мяч. Попал! Губа втянулась, чмокнула. Рыба заворочалась, зашевелила хвостом и плавниками. Потом притихла.

– Ну и что? – осторожно спросил Леша. – Помогло?

– А как же, – размягченно сказала рыба-луна. – Неужели сам не видишь?

Да, Леша видел! Нездоровый розовый оттенок на теле рыбы-луны исчезал. Свет ее делался чистым, золотым. А рот растянулся в улыбке. Рыба снова заворочалась. И вдруг она приподнялась, выскользнула из развилки и повисла в воздухе прямо над Лешей. Теперь, с ребра, она не казалась круглой, но была все же достаточно выпуклой. Слабо мерцающий хвост колыхался. Крылышки-плавники трепетали. Рыба отряхнулась, как пес, выбравшийся из воды. Леше даже показалось, что на него посыпались капли. Или какие-то твердые шарики. Он ойкнул и отскочил.

– Ничего, ничего, – весело проворчала рыба. – Это пустяки... Ну, я совершенно здорова. Спасибо тебе, Леша Пеночкин.

– Пожалуйста... Теперь вы полетите в вышину? Вместо луны? – сказал Леша немного печально. Потому что приключение явно заканчивалось, а надо еще пробираться по зарослям и темноте к дому.

– Да, полечу. Но сначала отвезу тебя домой.

– Правда?! Как?

Рыба-луна шумно опустилась в траву.

– Садись на меня.

– Спасибо! Я сейчас...

Но легко сказать «садись». До того места, где можно удержаться между двух плавников, до самого гребня спины, было метра два. Леша разбежался, подпрыгнул, уцепился за маленький плавник. Зацарапал коленками по гладкой чешуе. Устал, повисел, зацарапал опять. Никакого толку. Выбился из сил и повис.

От рыбы-луны пахло, как от копченой селедки, она была очень теплая. Наверно, не остыла еще от недавнего жара.

– Ну, что же ты? – недовольно спросила она.

– Извините, пожалуйста, вы очень скользкая.

– Ох ты, горюшко. Ну, сейчас... – Леша ощутил, как его окутало и подняло что-то мягкое. Это рыба-луна подхватила мальчишку широким хвостом. И он вмиг оказался на рыбьей выпуклой спине. Вцепился в зубы плавника.

– Не боишься?

– Ага... То есть боюсь немножко. Вы потихоньку, ладно?

– Ладно... – И Лешу мягко приподняло. И темный лес упал вниз. Леша увидел широкое небо с посветлевшим утренним краем. Полетел навстречу упругий ветерок, откинул волосы и словно слизнул с лица, рук и ног противный зуд от лесных иголок.

Не успел Леша понять, боится он или нет, как рыба-луна опустилась в сад у дома. Леша съехал по чешуе в траву. И конечно, сказал «большое спасибо».

– Пожалуйста. Теперь полечу на работу, пока еще нет полного рассвета.

– До свидания... А скажите, пожалуйста, как вас зовут? Наверно, ведь не просто «рыба-луна»?

– Меня зовут Ихтилена, – добродушно отозвалась она. – От двух научных слов: «ихтио» – «рыба» и «селена» – «Луна».

– Очень красивое имя, – вежливо одобрил Леша.

– Разумеется. Но друзья могут звать меня просто тетя Лена... Ну, беги в кровать.

Леша подумал, что «тетя Ихтилена» звучит гораздо лучше, сказочнее. Но, чтобы не обидеть рыбу-луну, попрощался, как ей хотелось:

– Всего хорошего, тетя Лена.

– Приятных снов... – Рыба-луна Ихтилена бесшумно взмыла в высоту и почти сразу скрылась за верхушками деревьев.

«Если кто увидит, – подумал Леша, – решит, что ничего особенного, обыкновенный НЛО».

Когда Леша пробрался в комнату, за окном уже явно ощущался рассвет. Леша плотно задернул шторы, и в комнате опять сделалась темнота. Даша по-прежнему ровно дышала в этой темноте.

Но едва Леша забрался под одеяло, Даша спросила строгим шепотом:

– Лешка-картошка, ты куда ходил?

– Чего? – растерялся он.

– Не «чего», а отвечай немедленно: где был?

– Ну, где-где... Нельзя, что ли, человеку сходить... куда надо?

– Через окно?

– А что такого? Так интереснее...

– Не морочь мне голову, – маминым голосом произнесла Даша. – «Куда надо» два часа не ходят. Я тут чуть не померла от беспокойства.

– Ну ладно, – вздохнул Леша. – Я хотел утром рассказать, но раз тебе не терпится... Я летал на рыбе-луне...

И он шепотом поведал Даше о своих приключениях. Она не перебивала, только тихонько ахала. А когда Леша кончил, она шепотом потребовала:

– Дай честное слово старшего брата, что не сочинил.

– Самое-самое честное! – Леша откинул одеяло, сел и для убедительности прижал к груди кулаки. – Пусть я лопну, как проткнутый шар, если вру...

Он не лопнул. А Даша вдруг прошептала:

– Ой, Лешка-а... У тебя коленки светятся...

– Где?.. Ох...

Коленки и правда выделялись в темноте двумя желтыми пятнышками. Словно в кожу была втерта светящаяся пыльца.

– Это, значит, когда я на рыбу забирался, с чешуи краску соскреб... Вот, а ты не верила!

– Теперь окончательно верю... А ты очень испугался сперва, когда эту рыбу увидел?

– Не очень... Средне... Подробности потом расскажу, а теперь я спать хочу. Ужа-асно... – Леша зевнул и свалился на подушку.

Капризное существо

Утром Леше, конечно, подумалось, что ночное приключение он увидел во сне. А Даша решила, что ей приснился Лешин рассказ.

Мама уже не первый раз приоткрывала дверь:

– Эй, засони! На часах половина десятого! Ыхало приходило, про вас спрашивало...

«Ыхало! Ура!..» – Леша дернул со стула штаны и рубашку. Из карманов посыпались, застучали по полу твердые шарики.

– Леша, это что?

– Это рогаточные пули.

– А это? – Даша, свесившись с кровати, подобрала блестящий шарик. – Смотри...

– Не знаю... У меня такого не было.

Размером шарик был такой же, как и глиняные, – с крупную ягоду. Но прозрачный. Похоже, что из желтого стекла. Внутри шарика темнело зернышко, а в нем горела чуть заметная искра.

– Похоже на большую икринку, – задумчиво сказала Даша.

– На икринку? Ой, подожди... – Леша подскочил, с головой забрался под одеяло. Широко раскрыв в темноте глаза. Коленки желтовато светились.

– Дашка, иди сюда! – Они укрылись одеялом вместе.

– Значит, все было по правде!

– И шарик тоже светится, – выдохнула Даша. Теперь, в темноте, искорка в шарике горела ярко.

– Даш, наверно, это правда икринка! Я помню, на меня с рыбы какие-то бусины сыпались. Эта попала в карман рубашки, потому что он был после пятаков оттопыренный...

– Тогда надо положить ее в воду. Вдруг кто-нибудь из нее выведется.

Даша умчалась и принесла стакан с водой. Положила в него шарик. Поставила стакан на подоконник. А за окном с отдернутой шторой было зеленое и солнечное утро.

– Вон там приземлилась тетя Ихтилена. – Леша показал на примятую траву недалеко от окна. Из-за куста вылезло Ыхало. Помахало брату и сестре ладонью. Они тоже помахали ему. Даша дернула Лешу за майку:

– Побежали умываться в сад! Там кран.

Но Леша вдруг опять забрался под одеяло. Зажмурился.

– Хочу вспомнить все-все, что было ночью. Мне сказали, что я установил рекорд... Ай! Да что же это такое! Опять кусается!

Он вскочил. Пригляделся. По простыне спешил кто-то маленький, черненький. Леша сердито помусолил палец, взял на него эту букашку. Пригляделся. Нет, это был не клоп, не жучок, не блоха. Это...

– Даша, дай-ка со стола увеличительное стекло... Ух ты! Смотри!

На пальце под стеклом сердито дергалась маленькая буква «а». В точности такая, какие печатают в книжках и газетах.

Даша посопела рядом и робко сказала:

– Она живая...

– Она, кажется, пищит... – Леша поднес палец к уху. Буква звенела, как разъяренный комар:

– Отпустите меня немедленно! Что за безобразие!

– Ругается, – прошептал Леша. И спросил: – А ты не убежишь?

– Что за глупости! Разве я за этим щекотала тебя всю ночь? Я нарочно старалась обратить на себя внимание!

Букву посадили на чистый лист раскрытого Лешиного альбома. Стало видно, что у нее выросли крошечные, как у мелкой мушки, лапки. Вернее, ручки и ножки. На ножках буква поднялась, а ручки заложила за спину и принялась туда-сюда шагать по листу.

– Ты – говорящее насекомое? – спросил Леша.

– Сам ты насекомое! – послышался писклявый ответ. – Я буква! Буква «а», самая первая в алфавите! Неужели не ясно?!

– Ясно, – покладисто сказала Даша. – А откуда вы появились, буква «а»?

– Из газеты «Вечерний Хребтовск»! – опять запищала буква. – Из объявления! В нем был адрес: «Улица Пароходная, дом три, квартира два». Вот в слове «Пароходная» как раз я и стояла. Но это была кошмарная жизнь!

– Почему? – подозрительно спросил Леша.

– Другие буквы не давали житья! Все время придирались! «Почему другая буква «а», после «эн», стоит спокойно, а ты все время егозишь и высовываешься из ряда?..» Но я, во-первых, не высовывалась... почти. А во-вторых, как можно сравнивать? Я в слове была вторая по счету, а она только девятая! Это все равно что равнять сержанта с полковником!.. Вот я и ушла!.. Устроюсь где-нибудь, найду место получше... А эти, мои бывшие соседи, меня даже не окликнули! Сомкнули строй, и не осталось промежутка! Будто меня там и не было!

– По-моему, ты напрасно ушла, – сказала Даша. – Это нехорошо. Получилось, что улица не Пароходная, а Проходная. Кто-нибудь прочитает и запутается.

– А я-то здесь при чем? Они сами меня выжили!

– По-моему, ты сама этого добивалась, – заметил Леша.

– Ну и что? Рыба ищет где глубже, а буква – где заметнее. Найду место получше!

– Не всякая рыба ищет где глубже, – возразил Леша. – Я знаю такую, которая по небу летает.

– Это ее личное дело, – ответила буква «а».

– Ох и характер у тебя, – вздохнула Даша.

Леша спросил:

– А что было в том объявлении?

– Откуда я знаю! Я была знакома только с близкими буквами. До остальных-то мне какое дело?

– Как она пищит и звенит, – поморщился Леша. – Да еще кусалась ночью...

Даша задумчиво сказала:

– Она еще маленькая. Может быть, потом исправится и поумнеет. – Иногда она так же говорила про свою куклу Василису.

– Просто у меня дурное настроение. Я очень расстроена.

– А-а... – понимающе протянули Даша и Леша.

Буква «а» приподнялась на ножках и, кажется, чуть-чуть увеличилась.

– Благодарю вас. А не могли бы вы еще раз сказать «а-а»?

– Зачем? – удивился Леша.

– Это вливает в меня новые силы. Ведь звук «а» мой родной. Когда я наполняюсь им, то даже подрастаю.

Леша и Даша переглянулись и разом заголосили:

– А-а-а-а!..

Буква «а» радостно затанцевала и выросла на глазах. Стала ростом в полсантиметра.

– А-а-а-а!!

Буква качалась на ножках и поглаживала выпуклый животик. Она сделалась еще больше.

– А-а-а-а!!

– Что с вами? – Это мама распахнула дверь.

– Ничего! Мы играем! – радостно объявили брат и сестра.

– Что за игры! Я думала, у вас обоих животы схватило!.. Марш умываться, завтрак остывает!

– Сиди здесь, – велел Леша букве «а». – Если будешь себя хорошо вести, мы для тебя снова покричим, и ты еще подрастешь.

– Спасибо! Тогда я смогу устроиться на работу в какой-нибудь престижной вывеске. Леша закрыл альбом.

Звуковое письмо

Ыхало уселось в плюшевое кресло и втянуло руки и ноги. Оно было похоже на ком серой пакли с большими зелеными глазами. Глаза удивленно мигали. Ыхало слушало рассказ о недавних Лешиних приключениях.

– Ых, какие дела... Сколько живу, а ни о чем таком не слышало...

Тень кота Филарета тоже слушала Лешу. Но без удивления. Она лежала на куске меха и мурлыкала, потому что Даша гладила этот мех.

– А вот икринка. – Даша показала Ыхалу стакан с желтой бусиной.

– Ых, какие дела. Чудеса...

Но больше, чем историей с рыбой-луной, Ыхало заинтересовалось маркой страны Австралии.

– Ты мне, Филаретушка, про такую и не рассказывал... Что? Давно, говоришь, отыскал? А где отыскал-то, в каком альбоме?

Тень-Филарет негромко поурчал и мявкнул.

Ыхало глянуло на Лешу и Дашу.

– Говорит, что на каком-то старом конверте. Прямо на нем и вытянул тень из-под марки. С трудом, потому что марка была прочно приклеена... Слышь, Филарет, а конверт этот ты где нашел?.. Что? В нашем доме? А может, он и сейчас где-то валяется? – Глаза у Ыхала разгорелись.

Тень прыгнула на освещенную солнцем дверь, потянулась, потом встала на задние лапы, а передней сделала жест: вперед, мол, за мной.

И все, конечно, заспешили за тенью кота Филарета.

Поднялись в мансарду. Папы в мастерской не было: с утра ушел по своим делам. Тень скользнула в полутемный коридорчик.

– Говорит, здесь где-то кладовка, – разъяснило Ыхало. – Ну да, я помню, там старые журналы...

Разглядели маленькую дверь, дернули. В кладовке пахло залежалой бумагой и было совсем темно. Лешины коленки опять засветились. Но этого света было совершенно недостаточно. Ничего не разглядеть кругом! И уж тем более не увидеть тени кота. Ее было только слышно: «Мр-р, мр-р, мяфф...»

Хорошо, что у Лешы оказался с собой тенескоп. Леша включил на нем лампочку.

Тень кота замаячила на корешках могучих книг. Это были подшивки старинных журналов «Нива» и «Живописное обозрение». Слабо блестела позолота.

– Мяу... му-ур...

– Ясенько-понятненько. Ы-ых... – Сопя и кряхтя, Ыхало потянуло с полки тяжелый том. Полка вдруг осела, пудовые книги посыпались на пол, одна треснула Лешу по ноге. Он был в матерчатых домашних тапках, и ему крепко попало по пальцам.

– А-а-а! – Леша заплясал на одной ноге.

– Ай-йй-йй! – перепугалось Ыхало. – Очень больно?

– Ура-а! Тра-та-та, красота! – запищал вдруг кто-то.

– Ах ты, негодная! – воскликнула Даша. И тогда все увидели, как на упавшей книге танцует и вертится черная буква «а». Теперь она была величиной с ноготь взрослого человека.

– Ля-ля-ля! Ля-ля-ля! А я снова подросля!..

– Я тебе покажу «подросля»! – разозлился Леша. – Кто тебя сюда звал? Тебе велено было сидеть в альбоме!

– А я не обязана! Хочу – сижу, хочу – гуляю! Ля-ля-ля, а я снова...

– Как тебе не стыдно! Леша пальцы ушиб, а ты радуешься! – возмутилась Даша.

– Зато он покричал «а-а»! И я сделалась еще крупнее!

– Разве можно расти на чужих несчастьях! – сурово сказала Ыхало. – Это же совершенно бессовестно.

– А какая мне разница? Главное, чтобы кто-нибудь погромче: «А-а-а!»

– Ну, я тебя!.. – Леша брякнулся на четвереньки и хотел поймать букву «а» ладошкой, как кусачего жука. Но та увернулась и прыгнула за дверь. Послышался затихающий голосок:

– Ля-ля-ля...

– Ладно, попадешься еще... – проворчал Леша. Но уже не так сердито, потому что боль почти прошла. Он сидел на полу и при свете лампочки тенескопа разглядывал упавшую книгу.

– Ух какая! С медными застежками... Это не журнал...

– Филарет говорит, чтоб открыли, – сказала Ыхало. Глаза его горели азартной зеленью, будто оно тоже большой кот.

У книги откинули крышку. Оказалось, что это альбом с фотографиями. Очень старинными. На снимках были женщины в длинных платьях и усато-бородатые мужчины во фраках, сюртуках и мундирах. Некоторые даже с саблями. Сабли Лешу очень заинтересовали. Но тень-Филарет поторапливал: перелистывайте дальше...

– Ых-ох, это же Орик! Орест Маркович, когда он маленький был! – обрадовалось Ыхало.

С большого коричневого снимка смотрел мальчик Лешиного возраста. Симпатичный такой, большеглазый, задумчивый. Он был в рубашке с кружевным воротником и в широкой соломенной шляпе с лентой.

– Как красиво одевались в старину, – прошептала Даша. Она очень увлекалась модами и выкройками. Вся в маму.

– Подумаешь, – бормотнул Леша. – Сейчас не хуже...

Но мальчик Орест ему тоже понравился. С таким неплохо было бы подружиться. Сразу видно, что серьезный и не задира. Не то что мальчишки в классе у Леонковаллы Меркурьевны. Там Леша за весь год так ни с кем и не сошелся по-приятельски...

– Хорошо, хорошо, Филаретушка, – отозвалось Ыхало на нетерпеливое урчание-мурчание. – Давай дальше...

А дальше... между страницами оказался плотный большущий конверт с т о й ж е с а м о й м а р к о й!

– Ура... – сказали все. Но шепотом. Потому что приблизилась тайна.

Поразглядывали марку и лишь потом внимательно прочитали адрес:

*г. Хребтовскъ
улица Крайняя, домъ 5,
мальчику Оресту Редькину.*

А ниже, крупными буквами:

ЗВУКОВОЕ ПИСЬМО

– По-старинному написано, – прошептал Леша.

Даша спросила:

– А как это – звуковое письмо?

– Ну, разве не ясно? Записывают голос на пластинку и посылают.

– Это сейчас можно. А в старину разве так делали?

– А почему же нет? Только пластинки были большие и тяжелые. Видишь, и конверт поэтому такой громадный...

– И без обратного адреса, – вздохнула Даша. – Не узнаем, откуда письмо.

- По марке видно, что из Австралии.
- А где она, эта Австралия?
- Самое обидное, что он пустой, конверт-то, – досадливо сказал Леша. – Была бы пластинка, сразу все узнали бы...
- Интересно, где она? – прошептала Даша.
- Наверно, давно разбилась. В те времена пластинки были хрупкие.
- Разве хрупкую стали бы посылать по почте? – резонно возразила Даша.
- А небьющихся в старые времена не делали.
- А может, делали!
- Я лучше знаю, я читал!
- Какой умный!
- Да уж поумнее некоторых!
- Кого это «некоторых»?
- Всяких простокваш-промокашек...
- Леша – бегемота...
- Ай-яй-яй, тише, пожалуйста, – быстро сказала Ыхало. – Так мы ни о чем не договоримся.
- А о чем надо договариваться? – спросила Даша (показав брату язык).
- У меня вертится одна мысль. Догадка. Неужели правда?... Ых, нет, надо сперва проверить...
- Да что проверить-то? – подскочил Леша.
- Если хотите, пошли ко мне в гости.

Ыхало тщательно вырвало у входа в баньку крапиву.

– Проходите, пожалуйста... Само-то я обычно через трубу проникаю, поэтому тут и заросло все...

В баньке, как уже известно, застарело пахло березовым листом. Было полутемно и таинственно. Оконце – маленькое, да и то закрыто сорняковыми джунглями. Ыхало засветило свечку в увесистом медном подсвечнике. На бревнах стены изогнуто обозначилась тень Филарета. Она сидела и вылизывала заднюю лапу.

– Сейчас, сейчас... – пыхтя, торопилось Ыхало. – Вот...

И оно вытащило из-за печки картонную коробку.

– Здесь пластинки. Я их насобираю в доме в разные годы. Старуха все равно никогда не слушала, а я здесь иногда развлекаюсь... Тут старина всякая. «Амурские волны», Шаляпин, Собинов. Певцы были такие... А вот русские романсы, мадам Вьяльцева поет... Это, конечно, на любителя, молодежи это неинтересно...

– Папа любит Шаляпина, – сказала Даша.

– Папа ведь уже не молодежь, – возразил Леша. Просто чтобы сказать поперек.

– Ну и не старый...

– А вот та самая пластинка! – торопливо перебило брата и сестру Ыхало, чтобы опять не поссорились. – Я давно заметило, что она не такая, как другие. Дважды роняло – и ни трещинки. И без наклейки – неизвестно, чья и откуда... Я ее в доме за книжным шкафом нашло... Обратите внимание, она тоже старинная – запись с одной стороны, как в давние времена делали.

Леша взял пластинку.

– Ух, какая тяжелая...

– Лешка, не урони!

– Тебе же сказали, что небьющаяся.

– Все равно...

– Если бы все равно, лазили бы в окно!

– Ха-ха, а ты ночью лазил!

Леша засмеялся:

– Сдаюсь, переспорила... Ыхало, а что на ней, на пластинке-то?

– Одну минуточку... Ых... – Ыхало выволокло из-под лавки небольшой чемодан. Положило на скамью. С ржавым повизгиванием открылась крышка.

В чемодане оказался покрытый малиновым сукном диск. А еще – изогнутая блестящая трубка с плоским набалдашником.

– Патефон! – обрадовался Леша.

– Проигрыватель? – спросила Даша.

– Да. Только старинной конструкции.

– А где электрошнур? Или он на батарейках?

– Он вообще без электричества работает... А еще раньше были граммофоны, с большой трубой. Не слыхала, что ли, про такие?

– Я видела на картинках. Но я думала, что они все равно с проводом... А как же без электропитания?

– Ох и необразованная ты, Дашка! Только и знаешь свою кройку и шитье. Хоть бы изредка техническую литературу читала... Это механическая акустика. Пружина ручкой заводится.

– Да... – вздохнуло Ыхало. – Только, извините, у меня не заводится, пружина давно лопнула. Приходится пальцем вертеть.

– И получается? – удивилась Даша.

– Сейчас покажу...

– А что на пластинке-то? – опять спросил Леша.

– Да, признаться, ничего особенного. Такая приятная песенка. Но в свете последних событий... Давайте послушаем.

Ыхало положило черную пластинку на малиновое сукно. Приготовилось опустить на край блестящую мембрану с иглой. Уперлось пальцем рядом со шпеньком в центре круга – чтобы вертеть.

– Пойдите! – подскочил к Ыхалу Леша. – Попробуем без пальца...

Чоки-чок,
Чоки-чок,
Закрутись, как волчок...

Круг шевельнулся. Ыхало отдернуло палец:

– Ой...

Круг завертелся. Быстрее, быстрее...

– Удивительно-изумительно, – прошептало Ыхало. И осторожно опустило на пластинку иглу.

Патефон зашипел. Потом в нем забрякал какой-то инструмент. Словно негромкое пианино с жестяным звоном. А затем зазвучал голосок, непонятно чей. Похожий на тот, что у Петруши, только без рассыпчатого «р». В общем, кукольный какой-то:

Баю-бай, баю-бай,
Я спою тебе погромче,
Ты смотри не засыпай,
А скорей садись в вагончик.

Трюх-трюх-трюх, дон-дон-дон,
Повезет тебя вагон...

Ты прокатишься версту,
А за ней – саженой триста,
И колеса – стук-стук-стук —
Привезут тебя на пристань.

Ля-ля-ля, ля-ля-ля,
Здесь волшебная земля...

Песенка была как песенка. Словно из какого-то мультика. Но вот этот припев с «ля-ля-ля» напомнил Леше про букву «а», и он поморщился. А кукольный голосок пел дальше:

Ветры флаги теребят,
Улыбаются все лица,
С нетерпением ждет тебя
Австралийская столица.

Баю-бай, баю-бай,
Поскорее приезжай...

И пластинка кончилась.

– Ничего не понятно, – сказал Леша насупленно. – Чепуха какая-то. «Баю-бай, приезжай». Если «баю-бай», надо спать, а не ехать куда-то...

– Это ведь просто песенка, – заметила Даша.

– А я-то думал, тайна откроется...

– Какая тайна?

– Ну, что за страна Австралия...

Ыхало осторожно вмешалось:

– Видите ли, мальчик Орест в самом деле играл в такую страну. Приключения описывал, которые в ней случаются, карту рисовал. Я помню... Австралия – это ведь, скорее всего, от слова «астра», то есть «звезда». Я полагало, что это сплошная выдумка.

– Ничего себе выдумка! Я вчера вокруг нее на электричке объехал!

– «Ты смотри не засыпай, поскорей садись в вагончик», – сказала Даша.

Леша опять вспомнил ночную электричку и поехал. Но подумал: «Зато тетя Ихтилена была хорошая...»

– Марка-то настоящая, – сказал он.

Даша пригляделась (конверт с маркой был у нее в руках).

– А может, нарисованная? Для игры? И звуковое письмо мальчик Орест сам для себя заказал в какой-нибудь студии? Тоже для игры...

– М-мря, мяфф! – обиженно донеслось со стены. Ыхало сказала:

– Марка настоящая. Филарет подделки не собирает... Кто-то и правда приглашал Ореста в столицу Австралии.

– Где же она? – нетерпеливо спросил Леша.

– Тут-то и загадка... Может быть, на другом этаже пространства?

– На каком это на другом? – удивилась Даша. – Под землей?

– Нет... Видите ли, пространство Вселенной – оно ведь очень многоэтажное. Или, как говорят ученые, многомерное. Ну, они-то, ученые, про это недавно заговорили. А домовые,

гномы и прочее древнее население Земли про такую многомерность знало всегда. Иногда они даже бывали в тех краях, только не часто, потому что домоседы... Оттуда к нам, говорят, и залетают всякие штуки, которые называются НЛО...

– Наверно, вы правы, Ыхало, – согласился Леша. – Потому что вчера ночью за насыпью был густой лес, а сегодня – огороды, а потом – новый микрорайон. Видимо, Аستراليا спрягалась на свой этаж. Как бы ее найти, а?

– Ых, это трудная задача... Вчера тебе просто повезло.

– А может, и опять повезет!

– Надо подумать... – Ыхало почесало бока и притихло. Видимо, и правда задумалось.

В саду послышался голос мамы:

– Леша, Даша! Идите обедать! Папа уже пришел!.. Ыхало зовите с собой! А Филарету я припасла отличную тень от свежего окуня!..

– Мр-р...

Кто живет на Проходной

Оказалось, что к обеду мало хлеба, и Леша помчался в булочную, она была в квартале от дома.

Дом своим фасадом выходил на улицу Крайнюю. Рядом стояли похожие дома, но этот был самый примечательный. Над мансардой блестела частыми квадратиками стеклянная крыша. Над ступенями крыльца был навес – его держали подпорки из кружевного кованого железа. Парадную дверь покрывал деревянный узор. Местами он потрескался, но все равно был красивый.

К двери были привинчены две таблички. На медной значилось: «Художник О.М.Редькинъ». На другой – белой, фаянсовой – «Звонокъ». Под ней краснела новая кнопка, звонок был действующий.

Леша, вернувшись из булочной, дотянулся до кнопки и вдруг остановил руку. Что-то было не так... А, вот что! Слово на белой табличке – с ошибкой, «Званокъ»! При этом буква «а» торчала косо и нахально. Под пристальным Лешиним взглядом она шевельнулась, выпустила ручки-ножки, но было поздно! Леша ухватил ее двумя пальцами.

– Не уйдешь, голубушка! «Ля-ля-ля»...

– Отпусти! – запищала она, задрыгалась. – Имею я право на рабочее место?!

– Нахалка! Свое место надо искать, а не лезть на чужое!.. Куда ты букву «о» девала?

– Не знаю! Ее тут не было!

– Врешь... – Леша глянул вниз. И рядом со своей сандалией сразу увидел на ступеньке черное колечко. Леша подхватил обиженное «о», приложил к прежнему месту. Буква сразу приросла.

– А с тобой мы сейчас разберемся, красавица.

– Пусти-и!

– Нет уж! На клей сядешь, моя хорошая...

– Не имеешь права!

– Имею! Потому что ты безобразничаешь! И к тому же грамоты не знаешь! «Звонок» – это от слова «звон», через «о» пишется, а ты суешься...

– А я хотела, чтобы от слова «зван»!

– Такого слова нет!

– Как это нет?! «Зван в гости»! Значит, звонок для з в а н ы х гостей!

– А сама полезла незваная! Ну, подожди...

Как ни пищала, как ни вертелась буква «а», ничего ей не помогло. В своей комнате Леша выдавил на альбомный лист каплю конторского клея, размазал ее пальцем и на липкое пятно припечатал букву-скандалистку. Она пискнула еще, хныкнула, втянула ручки-ножки и присмилела. Словно капризная девчонка, которую решительной рукой поставили в угол...

Ыхало отказалось от обеда. Объяснило, что существа его породы едят раз в неделю. Но посидеть на кухне за компанию с остальными согласилось. А тень кота Филарета смачно хрустела под столом тенью свежего окуня...

Папа торопливо допил компот и хотел встать. Мама сказала:

– Неприлично уходить из-за стола, пока все не пообедали. Какой пример ты подаешь детям...

– Но если дети едят так медленно! Прямо как сонные курицы!

– А спешка за едой вредна для желудка, – заметил Леша.

– Но я же не могу сидеть за столом без дела.

– А ты расскажи нам что-нибудь интересное, – посоветовала Даша. И добавила маминым голосом: – Ты должен уделять больше внимания своим детям.

– Ну, хорошо... Со мной сегодня случилась удивительная история. Утром я прочитал во вчерашней газете объявление: «Принимаются заказы на рамы для картин и портретов. Обращаться по адресу: улица Проходная, дом три, квартира два». Вы же знаете, что хорошие рамы сейчас – большой дефицит. Вот я и помчался на эту Проходную...

Леша пяткой толкнул под столом Дашину ногу. А папе сказал:

– Приходишь, а там – никаких рам. Никакого мастера!

– Да! Но зато по этому адресу живет удивительный человек! Я с ним познакомился.

– Чем же он удивительный? – поинтересовалась мама.

– Замечательный старичок! Кол-лек-ци-о-нер!..

– Подумаешь, – сказала Даша. – Кругом коллекционеры.

– Нет, не «подумаешь»! Вы никогда не догадаетесь, что он собирает!

– Что же именно? – поинтересовалась мама.

– А вы попробуйте угадать.

«Уж конечно не марки, не значки, не монеты, – подумал Леша. – И не вкладыши от жевательных резинок. Что-то совсем необычное. Иначе папа так не восхищался бы». И сказал:

– Наверно, анекдоты.

Мама строго посмотрела на него.

– Или облака разного цвета, – добавил Леша.

– Или запахи всяких цветущих растений, – задумчиво проговорила Даша. – Загоняет их в бутылки и запечатывает. А потом откупорит бутылку и нюхает.

– Не-а... – по-мальчишечьи отозвался папа.

Ыхало повозилось в углу на табурете и вспомнило:

– Я знало в давние времена одного домового, и он, представьте себе, коллекционировал мыльные пузыри.

– Не может быть! – ахнула мама.

– Честное слово! Сам видел. Мы были хорошо знакомы, его звали Памфилий...

– Но ведь пузыри очень быстро лопаются, – сказала Даша.

– Памфилий умел составлять такие мыльные растворы, что пузыри совсем не лопались. Даже когда их протыкали, они съеживались, как дырявые воздушные шарики, только пленка была совсем-совсем тоненькая, вроде как тень Филарета. Хранить их такими было очень удобно, тыща штук умещалась в спичечном коробке. А когда Памфилию хотелось, он надувал через соломинку какой-нибудь пузырь, заклеивал дырку и любовался. Такие были радужные шары...

– Как удивительно, – сказала мама.

– Да... А потом это Памфилию надоело, он надул все пузыри один за другим и выпустил на волю. Вот у ребятшек на окрестных улицах была радость! А постовые дули в свистки и грозили оштрафовать, только не знали кого...

Мама сказала, что это замечательная история. А папа смотрел с выжиданием: когда же наконец спросят, что коллекционирует старичок, живущий на Проходной улице.

И Леша спросил:

– Ну, а старичок-то что собирает? Не пузыри?

– Нет, – торжественно ответил папа. – У него коллекция п р о б о к о т г р а ф и н о в.

У всех (даже у Ыхало) сделались непонимающие лица. И наступило молчание. Потом Даша опять сказала:

– Подумаешь.

И папа снова возразил:

– Нет, не «подумаешь»! Это замечательная коллекция! И Евсей Федотыч так увлекательно рассказывает о каждом своем экспонате! Вам, дети, будет очень интересно познакомиться с этим человеком, вы узнаете от него много поучительного... Здесь, в кладовках, я

видел несколько стеклянных пробок. Завтра вы отнесете их Евсею Федотычу и передадите от меня привет.

После обеда Леша и Даша увели Ыхало в свою комнату (тень Филарета скользнула за ними). Там они начали расспрашивать Ыхало, не помнит ли он рецепт мыльного раствора, который придумал домовый Памфилий. Как здорово было бы надуть сотню-другую радужных пузырей, которые не лопаются! И пустить по улицам!

Но Ыхало рецепта не помнило. Вернее, никогда его не знало. Однако дало умный совет:

– Леша, ты ведь можешь попробовать надуть волшебный пузырь с помощью своего заклинания. Ну, которое «Чоки-чок»...

– Ох, не знаю... Тут ведь нужно слово с окончанием на «чок». Для рифмы. А с пузырем это никак не связывается... «Пузырчок», что ли? Но это неправильное слово, оно не годится.

Ыхало заскребло макушку, с которой посыпался мусор.

– Постойте-ка, – вдруг сказала Даша. – У меня что-то вертится в голове... А если так?

Чоки-чок,
Чоки-чок...
Дунь сильнее в кулачок...
Никогда пускай не лопнет
Твой пузырчатый бочок...

– М-м... – засомневался Леша. – Почему «дунь в кулачок»?

– Ну, соломинку сожмешь в кулаке и дуй! Давай попробуем!

Леша согласился неохотно. Было слегка завидно, что не он придумал эти строчки. Но все же они развели в блюдце мыло и отыскивали пластмассовую трубку для коктейля. Леша прочитал, что сочинила Даша: «Чоки-чок, чоки-чок» и так далее. Обмакнул трубку в раствор, стал дуть.

Появился пузырь, отразил в себе солнечное окно. Сперва он был маленький, но быстро вырос. И скоро сделался с футбольный мяч.

– Хватит, – прошептала Даша. – Лопнет...

Но Леша передохнул и стал дуть снова. А Даша и Ыхало затаили дыхание.

Пузырь стал уже с большущий арбуз. По его тончайшей пленке плавали изумительно красивые радужные пятна...

И вот он уже сделался как громадный пластиковый мяч для игры на пляже!

Когда Леша снова переводил дыхание, пузырь вдруг оторвался от пластмассовой соломинки и поплыл к потолку.

– Ай! – жалобно пискнула Даша. Было ясно, что прозрачно-переливчатый шар коснется штукатурки и разлетится в мокрую пыль.

Но шар оттолкнулся от потолка и полетел к Леше. Задел его голову и повис неподвижно. Тогда... Леша, замерев в душе, тронул пузырь мизинцем. Мыльная пленка оказалась упругой, как тонкая натянутая резина. Леша хлопнул пузырь ладонью. Тот отлетел к стене, ударился о нее и отскочил, как обычный воздушный шарик.

– Ой, как здорово! – завизжала Даша и тоже хлопнула пузырь. Он отлетел к Ыхалу, и оно поддало его своей темной ладошкой. Шар опять взмыл к потолку и вовсе не думал лопаться.

– Ура-а-а-а!! – завопили Леша, Даша и даже Ыхало. Так, что протяжное «а-а-а» пронеслось по комнате, как эхо в гулкой пещере. А когда смолкло, все услышали писклявое насмешливое «ха-ха-ха»!

На столе, рядом с альбомом для рисования, плясала на тонких ножках знакомая буква. То есть не совсем знакомая, потому что ростом она была уже со спичечный коробок.

Леша и Даша сразу поняли, что зловредное создание снова подросло за счет общего крика, засохший клей отскочил от бумаги и буква освободилась.

– Марш на место! – крикнул Леша.

Но буква опять нахально захохотала и прыгнула со стола... на мыльный пузырь! Он как раз проплывал над столом. За ней метнулась тень Филарета, но поздно – пузырь всплыл к потолку. Буква «а» крикнула оттуда:

– Не желаю больше с вами знаться! Я отправляюсь путешествовать! – И шар торжественно вылетел в окно. Леша попытался ухватить его, но опоздал.

– Ну и ладно, – сказал он смущенно. – Не больно-то и надо. Все равно с этой писклявой врединой одни неприятности...

Двери закрываются, поезд отправляется...

На следующее утро Ыхало не появилось. Видимо, разоспалось у себя в баньке. Леша и Даша постеснялись идти будить его. И тени Филарета не было видно. То ли тоже спала, то ли охотилась за теньями воробьев.

После завтрака папа ушел в контору, которая называлась «Выставком» – договариваться о новой выставке. Мама посоветовала сыну и дочери заняться чем-нибудь полезным, а сама села за швейную машинку.

– Даша, бежим на узкоколейку, там поезд не достроен, – вспомнил Леша.

Вскоре они выбрались на знакомую поляну и, раздвигая коленками ромашки, пошли к заросшим рельсам. Там все было по-прежнему: два фанерных ящика стояли на березовых катках.

– Вагоны есть, а паровоза нет, – вздохнула Даша.

– Будет! – решил Леша. – В кладовке на первом этаже я видел большущий старый самовар. Чем не паровоз?

Они вернулись в дом, отыскивали кривой самоварище, покрытый пятнами зеленой окиси. Он был ростом Леше до пояса.

– Надеюсь, это не папа нашего Ыхала, – заметила Даша. – А то было бы неловко...

– Папу ведь отправили в утиль. Давно еще, – грустно напомнил Леша.

К самовару отыскивали длинную коленчатую трубу. С пыхтеньем и остановками утащили это добро к рельсам. Потом Леша приволок еще два березовых бревнышка и обрезок широкой доски. Бревнышки – на рельсы, доску – на бревнышки, самовар – на доску. А трубу – на самовар.

– Как старинный паровоз Стефенсона, – сказал Леша. – Я такой в «Детской технической энциклопедии» видел. Маленький такой паровичок с длинной трубой.

– Только дыма не хватает, – заметила Даша.

– Сейчас будет дым.

– Еще чего! – сказала Даша маминым голосом. – Алексей, не вздумай играть со спичками.

– Никаких спичек не надо. Ну-ка, принеси сухого бурьяна. Вон оттуда, от забора...

Даша недовольно пожала плечами, но пошла. Она хотя и подражала маме, но все же была Лешиней младшей сестрой и брата слушалась (правда, не всегда).

Сухие стебли бурьяна и всякие найденные поблизости щепки затолкали в середину самовара. Леша достал из кармана увеличительное стекло.

– Вот им и разожжем в паровозной топке огонь.

– Ой, Леша! А ведь без воды-то котел расплавится!

– Правильно!

Пришлось бежать домой за ведерками веревкой. Несколько раз ходили к колодцу, черпали воду для самовара. Можно было бы наливать из крана, но брать из колодца было интереснее. Сказочнее...

Вода из самовара била искрящимися струйками.

– Дырявый, – вздохнула Даша.

Но Леша решил:

– Ничего, не скоро вытечет. – Струйки были тонкие, как ниточки.

Веревкой от ведра Леша привязал самовар к доске.

– Это для прочности.

Конечно, самовар и так никуда не делся бы. Но Леше мастерить нравилось больше, чем играть. Игра – что? Ну, сядешь в ящик, скажешь: «Ту-у, поехали», пофыркаешь вместо паро-

воза. Но ведь по правде-то с места не сдвинешься. А придумывать и строить – это по-настоящему интересно.

Наконец все было готово. Леша стеклом зажег бумажный жгутик, сунул его в самовар. Огонь затрещал в бурьянном топливе. Леша торопливо поставил на самовар трубу. Из нее повалил настоящий паровозный дым.

– Садись скорее, – заторопилась Даша, будто поезд и в самом деле вот-вот поедет.

Они забрались в передний ящик.

– Осторожно, двери закрываются, – звонко сказала Даша, хотя никаких дверей, конечно, не было. – Поезд следует до станции... Леша, до какой станции?

– До Пристани. Как в песенке. Разве ты забыла?

– Правильно! Поезд следует до станции «Пристань»!.. Леша, гуди!

– Гу-у-у, – послушно изобразил Леша паровозный гудок. И зафырчал: – Чуф-чуф-чуф...

– И даже локтями задвигал, как паровозными шатунами... И дым все гуще валил из трубы.

Жаль только, что по правде никуда не ехали.

– Лешик... – вдруг прошептала Даша особым, таинственным шепотом. – А скажи свое «Чоки-чок...».

– Ну и что?

– Не знаю... Вдруг что-нибудь случится?

– Не случится. Это было бы слишком большое волшебство. «Чоки-чок» такого не умеет.

– Ну... попробуй, а?

Леша пожал плечами. Подумал. Пошептал себе под нос. И наконец нерешительно проговорил:

Чоки-чок,
Чоки-чок,
Нас сейчас тряхнет толчок...
И покатит нас по рельсам
Самовар-паровичок...

Он еще успел подумать, что стихи получились, кажется, неплохие. А больше ничего не успел, потому что самодельный поезд вздрогнул от сильного толчка. Дернулся! Самовар засветел.

– Ой! – громко сказала Даша. Леша не удержался на ногах, сел на кромку ящика.

А ящик уже ехал вслед за шипящим самоваром-паровозом. И его потряхивало на стыках рельсов, а по фанерному днищу скребли подмятые лопухи. В такт потряхиванию у Лешы в голове прыгала только одна мысль: «Вот э-то да. Вот э-то да...»

Потому что случилось даже не одно чудо, а несколько.

Во-первых, поехали. Это само по себе удивительно.

Во-вторых, самодельный паровоз и ящики-вагоны не были сцеплены, но все же дружно катились вместе.

В-третьих, по всем законам механики ящики на первом же метре пути должны были съехать с кругляков. Но этого не случилось. Фанерные вагончики бежали как на самых настоящих колесах.

Наверно, все это случилось не только из-за Лешиного «Чоки-чока», но и потому, что страна Австралия была недалеко. Сюда, несомненно, просачивалось ее волшебство. Да и вода из колодца, которую налили в самовар, была, видимо, заколдованная. К такому выводу Леша пришел потом, когда на свежую голову обдумывал все случившееся.

Но в этот момент он ничего не обдумывал. Просто удивлялся и радовался. Сперва еще и боялся немного, но скоро перестал.

А Даша прижимала к щекам растопыренные пальцы, и глаза у нее были большущие от испуга и восторга:

– Ой, Лешка-а...

– Держись! Раз поехали, значит, поехали... Попробуем управлять. – И Леша сказал паровозу: – Полный вперед!

Самовар обрадованно свистнул, и поезд припустил в два раза быстрее. Затрясло. Даша пискнула и присела.

– Не бойся... Средний ход!

Скорость убавилась.

– Малый ход...

Самовар запыхтел устало, и поезд стал двигаться не быстрее утомленного пешехода.

– Тпр-ру... То есть стоп!

Поезд стал, ящики ткнулись друг в друга и в шипящий локомотив.

– Малый ход! – торопливо скомандовал Леша (а то вдруг поезд больше не захочет ехать?).

Пых-пых – поезд опять двинулся по заросшей узкоколейке...

Кругом стояли заросли высоких сорняков. Над ними торчали розовые головки кипрея. Носились перепуганные воробьи и галки. Пролетела ворона, она что-то скандально орала. Не то «караул», не то «украли», хотя, конечно, никто ничего у нее не крал.

С поездом между тем происходили удивительные изменения. Ящики стали просторнее. На стенках выросли витые столбики, и оказалось, что они поддерживают бело-красные полосатые навесы с бахромой и кисточками. Появились желтые лаковые скамеечки. Но самое интересное случилось с самоваром. Высокая трава, сквозь которую пробирался поезд, начистила самовару бока до солнечного сверкания. Кроме того, он заметно вырос, на нем появились всякие паровозные приспособления: движущиеся рычаги, шипящие трубки и различные загонгины. Рычаги и шатуны бойко вертели настоящие колеса.

Короче говоря, мятый облезлый самовар превратился в настоящий маленький локомотив. Очень красивый.

Но все это не так уже сильно удивляло Лешу и Дашу. Может быть, они стали привыкать к чудесам. А может быть, решили, что чудеса эти им просто кажутся. Бывает ведь так, что во время хорошей игры придуманное выглядит как настоящее...

Больше, чем сам поезд, Лешу и Дашу интересовало то, что было вокруг.

Заросли сорняков кончились. Потянулась местность с маленькими, похожими на кочки холмами. На них кое-где махали разноцветными крыльями крошечные ветряные мельницы.

Потом по горбату мостику переехали ручей и оказались в светлой березовой роще. Поезд остановился у дощатой платформы размером с положенную на землю дверь.

На столбике вагонной крыши тряслась черная воронка, она сказала голосом гнома Петруши:

– Станция «Одинокий Шар-рманщик».

Тут же на платформе возник небритый дядька в разноцветных лохмотьях. На ремне через плечо у него висел ящик с медными узорами и ручкой. Дядька заулыбался, одной рукой приподнял похожую на ведро с отворотом шляпу, а другой завертел ручку.

В ящике забренчали колокольчики. Дядька хрипло, но весело загорланил:

Жил на свете крот Карлуша,
Это был упрямый крот.
Маму с папой он не слушал,
Делал все наоборот.

Не хотел в земле копать,

Говорил, что это зря.
И друзей учил кататься
Он на мыльных пузырях.

Собрались звери вместе
И глядят разинув рты,
Как летают в поднебесье
Очень юные кроты.

«И чему их в школе учат?
Почему не укротят
Непослушных и летучих
Непоседливых кротят?»

Ну а те летают смело
От зари и до зари.
Хорошо, что кто-то сделал
Им такие пузыри!

Закончив песню, одинокий шарманщик поклонился и сказал:

– Благодарю за внимание.

– Спасибо! – крикнули Леша и Даша. И долго махали ему, когда поезд опять поехал. Но потом Даша с сомнением сказала:

– Странная какая-то песня. Получается, что, если хочешь летать, надо не слушаться родителей.

– Но ведь всякие бывают родители, – возразил Леша. – У крота Карлуши были отсталые, под землей жили...

– Любые родители волнуются за своих детей. Ты думаешь, наши мама и папа не беспокоятся, когда узнают, что мы укатили неизвестно куда?

– Мы ведь ненадолго. И, кроме того, известно куда. На станцию Пристань.

– Это н а м известно, а... Ой...

Поезд опять остановился. У такой же, как прежде, платформы. На ней стоял столб с черной табличкой: «Ст. Чытоноги».

Ниже этой доски висело объявление: «Детям до четырнадцати лет выходить на платформу без родителей не рекомендуется».

Позади платформы что-то большое ворочалось в зарослях рябины. Оказалось – избушка из темных бревен под острой замшелой крышей. Внизу, в траве и листьях, появилась вдруг из-под избушки могучая птичья нога с когтями. Бревна заскрипели. Распахнулось оконце. Крючконосая бабка, хрипло, но ласково пропела:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.